

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ИНСТИТУТ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ
КАФЕДРА АНГЛИЙСКОЙ ФИЛОЛОГИИ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ
КОММУНИКАЦИИ

**КОММУНИКАТИВНЫЕ ФОРМУЛЫ ИЗВИНЕНИЯ В БРИТАНСКОМ
ВАРИАНТЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА**

Выпускная квалификационная работа

обучающейся по специальности
45.05.01 Перевод и переводоведение
очной формы обучения,
группы 04001317
Ереминой Дарьи Вячеславовны

Научный руководитель:
канд. филол. наук, доцент
И.В. Ляшенко

Рецензент:
канд. филол. наук, доцент
Беседина Т.В.

БЕЛГОРОД 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. ИЗВИНЕНИЯ И ВЕЖЛИВОСТЬ.....	7
1.1. Данные корпуса и данные исследований.....	7
1.2. Термин «вежливость»: этимология и словарные определения.....	11
1.2.1. Социально-культурные и исторические перспективы вежливости.....	13
1.2.2. Взгляды на функции вежливости.....	18
1.2.3. Теория лингвистической вежливости Брауна и Левинсона.....	20
1.2.4. Критика теории Брауна и Левинсона.....	22
1.3. Термин «извинение»: этимология слова и словарные определения.....	24
1.3.1. Извинения и концепция "лица".....	26
1.3.2. Извинения и «лицо» говорящего.....	26
1.3.3. Извинения и «лицо» слушателя.....	30
1.3.4. Извинения, определяемые формой или функцией.....	33
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I.....	37
ГЛАВА II. ИЗВИНЕНИЕ.....	39
2.1. Лексемы.....	39
2.2. Деяния.....	41
2.2.1. Более детальный взгляд на проступки.....	47
2.2.2. Поступки, приводящие к «реальным» извинениям.....	48
2.2.3. Поступки, приводящие к «шаблонным» извинениям.....	51
2.3. Уровень искренности.....	57
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II.....	64
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	66
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	70

ВВЕДЕНИЕ

Формулы извинения широко используются в естественной коммуникации во многих социокультурных сообществах, являясь средством реализации исключительно важной социальной функции, обеспечивающей поддержание гармонии межличностных отношений между участниками коммуникативного взаимодействия. Это обуславливает их интенсивное изучение в рамках лингвистической науки в последние годы. На современном этапе широкий круг вопросов, связанных с особенностями выражения извинения в разных языках, нашел отражение в работах зарубежных и отечественных лингвистов.

В большинстве исследований, посвященных анализу употребления формул извинения в речи, эти языковые формы рассматриваются исключительно как средство реализации речевого акта извинения. Однако до сих пор не исследованным остается целый ряд проблем, связанных с особенностями функционирования формул извинения в речи, в том числе проблема использования языковых единиц с семантикой извинения для реализации других речевых актов. **Актуальность** данной работы состоит в том, что вместо того, чтобы изучать вежливость в целом, рассматривается использование конкретной формы, явного извинения, речевого акта, который включает вежливость в значительной степени; это внесет большой вклад в дальнейшие исследования извинений.

С момента публикации влиятельной статьи Брауна и Левинсона «Универсалии в использовании языка: феномены вежливости» в 1978 году, лингвистическая вежливость стала предметом обширных исследований в области прагматики и социолингвистики.

Речевой акт извинения является хорошим объектом для такого исследования, поскольку он является примером того, что Браун и Левинсон называют «культурно стабилизированными ритуалами взаимодействия с условными формулами». Такие ритуальные формулы составляют большую

часть народной модели вежливости. В то же время использование извинений тесно связано с потребностями говорящего/адресата, властными отношениями и социальной дистанцией, вопросами, имеющими центральное значение для более академических подходов к вежливости. Как говорила известный социолингвист Джанет Холмс: «Извинения – прежде всего и по существу социальный акт. Они направлены на поддержание хороших отношений между участниками. Извиняться – вести себя вежливо, как в бытовом, так и в более специальном смысле, обращая внимание на потребности со стороны адресата...» (Холмс, 1990:146).

Общая **цель** этой работы состоит в том, чтобы исследовать, каким образом формулы, связанные с речевым актом извинения, используются в аутентичном разговорном британском английском языке, и как это использование варьируется в зависимости от личности говорящего, обращенного лица и разговорной ситуации.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

1. Выделить явные выражения извинений в устной части БНК, и определить их функции. Также исследовать взаимосвязь между функцией и формой извинения.
2. Изучить, как меняется частота и типология извинений в зависимости от социальной идентичности говорящего.
3. Исследовать, как частота и типология извинений варьируются в зависимости от разговорной ситуации.
4. Изучить, каким образом частота и типология извинений варьируются в зависимости от отношений, существующих между говорящим и адресатом.

Объектом исследования являются коммуникативные формулы извинения в британском варианте английского языка.

Предметом работы – особенности функционирования формул с семантикой извинения в британском варианте английского языка.

Материалом для данного исследования послужили примеры извинений, созданных более чем **1700** ораторами, действующими в различных разговорных условиях, использованные в качестве основы для анализа в данном исследовании, которые были найдены в диалоговых текстах разговорной части Британского национального корпуса (BNC).

В ходе работы использовались приемы и методы дискурсивного, контекстуального и речеактового анализа, а также методы сплошной выборки, сопоставительного и количественного анализа.

Дипломная работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы и приложения.

Во Введении обосновывается актуальность работы, определяются цели и задачи.

Первая глава посвящена общетеоретическим вопросам исследования, а именно: обзору теоретического материала в области изучения самого термина «вежливость» и «извинение» и их связь, взгляды на функции вежливости, также охватывает теорию лингвистической вежливости Брауна и Левинсона и ее критику, раскрываются особенности извинений, определяемых формой и функцией. После данного обзора соответствующих определений и теорий, связанных с этими двумя понятиями, проводится краткое обсуждение того, как извинения вписываются в общие рамки вежливости.

Во второй главе дипломной работы рассматриваются различные типы извинений, встречающихся в корпусе, ситуации, мотивирующие извинения, и то, как функции этих извинений отражаются в их лексической форме. Обсуждается взаимосвязь между деянием и формой извинения, помимо явных извинений, рассматривается очевидная искренность, с которой извинения произносятся.

В Заключении подведены итоги настоящего исследования.

В Списке использованной литературы приведена цитируемая литература таких авторов, как E. Goffman, S. Blum-Kulka, K. Aijmer, L. M. Beebe, P. Brown, C. L. Levinson и др.

ГЛАВА I. ИЗВИНЕНИЯ И ВЕЖЛИВОСТЬ

1.1. Данные корпуса и данные исследований

В предыдущих исследованиях речевого акта предпочтение отдавалось двум методам: тестам на завершения высказывания и ролевым играм. Хотя преимущества таких экспериментальных методов очевидны (исследователь может выбирать своих испытуемых и манипулировать независимыми переменными контролируемым образом), с этим типом исследования есть несколько недостатков. Тест на завершения письменного высказывания имеет один очевидный недостаток: он исследует речевое поведение на основе письменных ответов. Биб, которая сравнила данные речевого акта, собранные с помощью тестов на завершение высказывания, с данными, собранными во время естественных телефонных разговоров, обнаружила, что первые данные походили на более упрощенные, стереотипные ответы. Она приходит к выводу, что, в то время как подобные тесты являются эффективным средством сбора больших объемов данных, которые затем могут быть использованы в первоначальной классификации семантических формул и стратегий речевого акта, полученные с помощью них ответы «не точно отражают естественную речь» (Биб, 1985).

Из-за недостатков, связанных с тестами на завершение высказывания, во многих из последних исследований извинения (Майер, 1992, Тросборг, 1995, Маркез Рейтер, 2000) использовались методы, связанные с ролевой игрой и реализацией роли. МакДоноу проводит различие между «ролевой игрой» и «реализацией роли» (МакДоноу, 1981). Первый метод описывается как «притворство реагировать, как будто кто-то другой в различных ситуациях», в то время как последний влечет за собой «выполнение роли, которая является частью нормальной жизни или личности». Оба этих метода имеют одно очевидное преимущество перед тестами на завершение высказывания: они пробуют разговорный, а не письменный диалог. Однако

сомнительно, насколько язык, созданный в таких ситуациях, отражает естественную речь испытуемых.

Ни в одном из этих методов не участвуют субъекты естественного взаимодействия (Ринтель и Митчел, 1989). В ролевых играх, например, респондентов часто просят разыграть роли, в которых у них нет личного опыта; таким образом, метод не отражает «динамику спонтанного взаимодействия» (Тросборг, 1995). Хотя принятие роли приближается к захвату подлинного диалога, субъекты, тем не менее, действуют в искусственных условиях и не имеют эмоционального участия в ситуации.

По сути, такие исследования изучают не естественную речь, а лишь каноническую форму формул вежливости «в сознании говорящих» (Вольфсон, Мармор и Джонс, 1989). В отличие от этого, ораторы в БНК действовали в реальных условиях; многие записи происходили, например, в домашней обстановке. Не было дано никаких указаний по обсуждаемым темам, составу диалоговой группы, физическим условиям и т.д. Таким образом, корпус можно рассматривать как истинное представление аутентичной речи.

Дополнительным негативным воздействием на данные, полученные с помощью методов ролевой игры и реализации роли, является ингибирующий эффект, вызванный присутствием исследователя (Лабов, 1972). Эти проблемы были частично устранены в БНК, поскольку записи велись в основном самими участниками. Спонтанность очевидна в большинстве текстов.

Еще одним недостатком экспериментальных подходов на сегодняшний день является то, что финансовые и практические ограничения часто сильно ограничивают число предметов, включенных в исследование. Поскольку участники, как правило, выбираются из подгруппы, легко доступной исследователю, чаще всего студенты, существует риск того, что объект исследования будет сильно искажен. Несмотря на это, следует отметить, что тесты и различные формы ролевой игры оказались чрезвычайно полезными

для того, чтобы пролить свет на форму и функцию корректирующих обменов, информацию, которая послужила отправной точкой для этого исследования.

Есть некоторые исследования коррективных ответных мер, которые были проведены по естественным данным. Оуэн использовал телефонные разговоры и магнитофонные записи сделок в магазинах для получения нужной информации, а Мэтсон, Бин и Джонстон изучали извинения, высказанные в ходе телефонных интервью, проведенных для некоммерческой службы опроса общественного мнения. Проблема с выводами из таких конкретных исследовательских ситуаций заключается в том, что результаты могут дать неверную картину коррективного поведения в целом. Как телефонные разговоры, так и сделки могут быть классифицированы как «ориентированные на задачи профессиональные разговоры» (Мэттсон и Джонстон, 1994), жанр, который содержит заведомо высокую долю коротких, упрощенных, поверхностных извинений, функции которых в основном включают управление задачами дискурса.

По другим исследованиям извинений (Холмс, 1990; Маклафлин, О'Хаер и Коуди, 1983) были сделаны выводы из ретроспективных этнографических данных (из первых или вторых рук). Холмс, например, использовал студентов для записи извинений, используя метод, предложенный Хаймесом. Студентам было предложено записать следующие 20 извинений, которые они слышали «как можно скорее и как можно точнее» и «без отбора или цензуры» (Холмс, 1990). Также была записана контекстуальная информация. Однако опора на такие вторичные сообщения об инцидентах сомнительна; случайные и, по-видимому, незначительные извинения менее заметны и легко упускаются из виду. Кроме того, личность репортера, вероятно, повлияет на результаты.

Еще одним недостатком методов, предусматривающих представление информации из первых и вторых рук, является то, что они в лучшем случае могут обеспечить лишь надежный качественный анализ коррективного

поведения. Заявления о количественных аспектах извинений, сделанные в таких исследованиях, не могут быть оценены в более широком контексте; для того, чтобы проанализировать количественные аспекты использования речевого акта, необходимо иметь некоторую запись общего количества отобранной речи. Эйджмер указывает на преимущество использования крупномасштабного текстового корпуса в качестве источника в том, что он позволяет исследователю оценивать, как часто происходит конкретный речевой акт в корпусе в целом, что позволяет проводить последующие сравнительные количественные исследования (например, диахронические, межкультурные или жанровые исследования) (Эйджмер, 1996). Как утверждают Макэнери и Вильсон, когда они сравнивают достоинства данных корпуса с данными исследований в социалингвистических исследованиях: общий компьютеризированный корпус «может обеспечить то, что эти данные не предоставляют» – репрезентативная выборка натуралистических данных, которая может быть определена количественно». Однако прежде чем делать какие-либо общие выводы, крайне важно рассмотреть вопрос о составе соответствующего корпуса (Макэнери и Вильсон, 1996).

Какой язык на самом деле представляют тексты выбранного корпуса? В случае с корпусом *London-Lund Corpus of Spoken English*, использованным в исследовании Эйджмер, записи были сделаны в 1970-х годах, и хотя в тексты включены несколько разных разговорных жанров, таких как беседа лицом к лицу, телефонные звонки, публичные выступления, трансляции новостей и интервью, они ограничены главным образом академическими условиями (Эйджмер, 1996).

Также спорно, в какой степени стремление создать корпус разговорного английского языка, который являлся представителем разговорного языка в Великобритании в начале 1990-х годов, был фактически реализован в БНК. Некоторые социальные группы не представлены в корпусе, и, очевидно, невозможно охватить более чем несколько разговорных жанров. Несмотря на эти ограничения, БНК является,

безусловно, самым сбалансированным и текущим корпусом английского языка, на котором говорят социальные личности докладчиков. БНК также является крупнейшим корпусом британского английского языка, за исключением *Co build Bank of English*. Однако в этом корпусе мало или совсем нет информации о спикерах, что ограничивает его полезность для социолингвистических исследований. С социолингвистической точки зрения разговорный материал в *BNC* является лучшим источником натуралистического британского английского языка, доступного в настоящее время, и он близок к тому, что Тросборг описывает как «конечную цель» прагматически ориентированных исследований: «Конечной целью большинства прагматически ориентированных исследований является сбор этнографических данных, то есть естественных данных, собранных вместе с информацией о возрасте, поле, статусе, ситуации, культуре, взаимоотношениях и т.д. взаимодействующих лиц» (Тросборг, 1995).

1.2. Термин «вежливость»: этимология и словарные определения

Этимология и существующие словарные определения вежливости представляют интерес, поскольку они могут дать ключ к историческому происхождению явления и общим ценностям, связанным с этим термином.

Вежливость происходит от латинского прилагательного *politus*, что означает полированный или гладкий.

В начале шестнадцатого века это значение было перенесено на семантические области искусства или любые интеллектуальные занятия, так что слово стало более или менее синонимичным с современными терминами, такими как изысканный, элегантный, правильный, научный и демонстрирующий изысканный вкус (The Oxford English Dictionary (OED), 1993). В семнадцатом веке это слово все чаще использовалось для описания индивидуумов (в отличие от культурных явлений), и к середине восемнадцатого века вежливость была такой же, как цивилизованность,

культивация, культура, воспитанность или модность. Первая прямая ссылка на вежливость по отношению к социальному взаимодействию, записанная в *OED*, исходит от английского Теофраста: или манеры возраста, где появляется следующее определение термина: «вежливость может быть определена как ловкое управление нашими словами и действиями, посредством которых люди заставляют других иметь лучшее мнение о нас и о них».

Основные определения термина в современных словарях, как правило, включают в себя некоторый аспект «отображения внимания для других», а также проявление «манер». Например: «наличие или показ того, что у человека хорошие манеры и соображения по отношению к другим людям» (*Oxford Advanced Learner's Dictionary*, 1995); «демонстрируя большое уважение к другим в манерах и речи» (*Collins Concise English Dictionary*, 1992), или «человек, который вежлив, имеет хорошие манеры и ведет себя таким образом, что является социально корректным и внимательным к чувствам других людей» (*Collins Co build English Language Dictionary*, 1993). Интересно, что последний словарь включает в себя альтернативное определение понятия, а именно «...вещи, которые вы говорите или делаете просто потому, что они являются социально правильными, а не потому, что вы имеете в виду их искренне».

Анализируя современные определения, приведенные выше, вежливость, по-видимому, ассоциируется с более универсальным рассмотрением человеческих черт. В то же время ссылки на такие слова, как манеры и социальная корректность, показывают, что вежливость включает в себя определенные кодексы поведения. Этот двусторонний аспект вежливости не удивителен; существует внутренняя двойственность, встроенная в концепцию, как указывает Веркхофер: «...действие или поведение вежливости осуществляется отдельным субъектом, и в то же время оно является, в сущности, социальным; в двойном смысле,

социальным, значит – быть социально организованным и возвращаться в процесс структурирования социального взаимодействия» (Веркхофер, 1992).

1.2.1. Социально-культурные и исторические перспективы вежливости

Для того чтобы акт считался «вежливым», он должен быть установлен на основе стандарта, который выходит за рамки самого акта, но признаваемый как субъектом, так и слушателем или третьей стороной, которая может быть частью взаимодействия. Этот стандарт основан на коллективных ценностях или нормах, которые были приобретены отдельными субъектами, как правило, в начале их жизни в рамках процесса социализации (Маркес Райтер, 2000).

Взгляд «социальной нормы» на вежливость предполагает, что каждое общество имеет свой собственный набор предписывающих правил, которые диктуют, что представляет собой «хорошие манеры» в данной ситуации. Согласно этой точке зрения «положительная оценка (вежливость) возникает, когда действие находится в соответствии с нормой, отрицательная оценка (невежливость, грубость), когда действие противоположно» (Фрейзер, 1999). Хотя эта точка зрения, как правило, отвергается большинством лингвистов на сегодняшний день (Фрейзер, 1999, Маркес Рейтер, 2000 и Гарсиа Пастор, 2001), это все еще ясно подтверждается в повседневной жизни. Например, в публичных дебатах в Великобритании и Америке несколько консервативных политиков пропагандируют традиционные ценности «хороших манер». Некоторые авторы (Андерсон, 1998 и Моффат, 2001), например, даже далеко продвинулись, чтобы приравнять снижение нравов с «социальным упадком»: «невежливость»... указывает на социальный спад, что означает не что иное, как разрушение общества» (Моффат, 2001). Менее драматичным каждодневным проявлением «социальной нормы» являются большие усилия,

которые родители прилагают на то, чтобы научить своих детей «хорошим манерам».

Процессы социализации или «культурный опыт» рассматриваются многими исследователями как основное влияние на формирование моделей поведения (Таннен, 1994). Например, Лакоффи Таннен утверждают, что различия в способах воспитания мальчиков и девочек объясняют гендерные различия в вежливых нормах. Таннен даже утверждает, что «разговор между женщинами и мужчинами — это межкультурное общение». Согласно Таннен, женщины и мужчины имеют разные разговорные стили, которым она присваивает ярлыки "*rappor-talk*" и "*report-talk*" (Таннен, 1991). Женщины используют язык для «интимности» в разговорах, что они делают с раннего возраста. Таким образом, для женщин беседы представляют собой «переговоры о близости, в которых люди пытаются искать и давать подтверждение и поддержку, а также достигать консенсуса» (Таннен, 1991). С другой стороны, мужчины рассматривают разговор как соревнование, где главная цель — обрести самоуважение за счет других. По словам Таннен, гендерные различия в разговорных стилях отражаются в нормах вежливости мужчин и женщин. Другие исследователи (О'Барр и Аткинс, 1980, Дойхер, 1989, Кэмерон и Коутс, 1989, Коутс, 1993) уделяют больше внимания гендерным различиям власти в обществе в их объяснениях гендерных различий в вежливости.

Хотя, по мнению Фрейзера, лингвисты согласны с тем, что «нет по своей сути вежливых знаков, лексических элементов, синтаксических структур, предложений, высказываний или даже речевых актов», и было бы наивным предполагать, что любой такой консенсус существует в обществе в целом (Фрейзер, 1999). Многие люди в Великобритании приравнивали бы вежливость к определенным формулам и придавали бы их использованию моральные, и даже политические ценности. Таким образом, степень соблюдения норм вежливости по «стандарту» может стать сигналом для

вашей позиции по отношению к этому разнообразию, а в дополнение к ценностям, связанным с ним.

При обсуждении вежливости с социолингвистической точки зрения интерес представляет то, что Маркез Рейтер называет «коллективными ценностями» и «нормами», которые составляют основу стандарта. Опираясь на исторические данные, некоторые исследователи рассматривают лингвистическую вежливость в Великобритании (и других европейских языках) как культурный стандарт, происходящий от правящих элит. Элих, например, подчеркивает тот факт, что, несмотря на четкие этимологические свидетельства слов «вежливый» и немецкого слова "*höflichkeit*", что означает «учтивость», исследователи игнорировали исторические связи лингвистической и ритуальной вежливости с конкретной социальной обстановкой – Европейской королевской судебной системой XVII и начала XVIII веков (Элих, 1992). В этих условиях кодексы вежливости предлагали различным членам суда весьма ритуальные средства рекламы их социального статуса. Тот же автор утверждает, что новая властная элита восемнадцатого века, буржуазные средние классы, должна была принять и изменить эти придворные нормы вежливости. Цель их использования, однако, осталась прежней: они были формализованы способами провозглашения своего статуса: «Вежливость входит в число идеологических целей буржуазии и в первую очередь ставится на использование для инвестирования буржуазии с большей социальной значимостью, с тем, чтобы их растущее экономическое процветание и значимость в общей социальной структуре могли быть подчеркнуты соответствующим образом. Конечная цель этого процесса, однако, состояла в том, чтобы осуществить массовый сдвиг в социальных отношениях с тем, чтобы буржуазные формы социального общения были гегемонистскими в обществе» (Элих, 1992:99).

Селл, который основывает свои выводы на анализе Августинских английских литературных текстов, говорит о вежливости следующее: «...вежливость» охватывала интеллектуальное просвещение и цивилизацию,

как ее ценили Августы, и особенно столичная аристократия, которая пренебрегала сельской жизнью и культурной провинциальностью» (Селл, 1991: 208).

Обладание этими качествами было способом сигнализировать о преданности предстоящей социальной элите и тем самым получить к ней доступ. По словам Селла, вежливость была «не только делом между людьми, но и имела какое-то отношение к идеологической напряженности между различными классами» (Селл, 1991). На аналогичной ноте Макинтош указывает, что в английской литературе произошло радикальное изменение стиля с 1710-1790 годов, когда текстура прозы стала более формальной и цветистой или «вежливой».

Уоттс также подчеркивает важность вежливости как социального маркера в Англии восемнадцатого века. Он утверждает, что «вежливость» включала строгий канон ритуальных форм, диктующих вербальное поведение (включая соответствующие способы осуществления определенных видов речевых действий, таких как благодарность и извинение) и социальное взаимодействие.

По словам Уоттса вежливость— это «маска, скрывающая истинное настроение эго» и: «Для современных ученых маска нужна, чтобы избежать конфликта, смягчить потенциальную агрессию и обеспечить, чтобы взаимодействие было выполнено гладко (Уоттс, 1992). Для «культураторов» вежливых манер и воспитанности в Англии восемнадцатого века маска выполняла более важную функцию, а именно, чтобы повысить свой социальный статус и сигнализировать о своем членстве в элитарном социальном классе. Это может легко повлечь за собой и, как правило, влечет за собой «...сознательное исключение потенциальных членов или прямое преследование лиц, которые выступают против их притязаний на социально-политическую гегемонию».

Согласно Уоттсу, негативные коннотации, связанные с термином «вежливость» среди некоторых социальных групп английских носителей

языка на сегодняшний день, можно отнести к этим социальным приложениям вежливости (то есть преследования аутсайдеров) в течение восемнадцатого и девятнадцатого веков. Можно утверждать, что происхождение норм лингвистической вежливости в Великобритании можно рассматривать как свидетельство, подтверждающее утверждение Невалайнен о том, что «языковые изменения не должны быть «естественными» и иметь место ниже уровня общественного сознания, но действительно могут возникнуть «сверху» в конкретном предписывающем смысле этого термина» (Невалайнен, 1996).

Было показано, что политические ценности влияют на нормы вежливости в более современное время. Из исследования использования форм **T** и **V** (полученных из латинского *tu* и *vos*) на европейских языках Браун и Гилман показали, что политические силы и классовые отношения могут влиять на нормы лингвистической вежливости. Они смогли связать участие студентов в политической деятельности в игровой форме, показывая, что чем более политически консервативный студент, тем больше использование формы **V** (Браун и Гилман, 1960). Основываясь на этих выводах, Браун и Гилман разработали свою теорию и «семантики солидарности».

В системе Брауна и Гилмана «Семантика власти» предполагает невзаимное использование знаков почтения, сигнализирующих о разнице в проявлении власти говорящих. В Британском английском языке, который не имеет выражения почтения, обозначенного особой формой местоимения второго лица, примером «семантика власти» было бы невзаимное использование слов (слуга, обращаясь к его хозяину как «сэр», в то время, когда он сам отзывается, например, на «Джеймс»). В отличие от семантики власти», «семантика солидарности» включает в себя лингвистическую сигнализацию «единомыслия», симметричные отношения, основанные на сходстве и солидарности. Принцип солидарности также имеет политическое измерение, по мнению Брауна и Гилмана он является основой политических

философий левого толка. В шестидесятых годах Браун и Гилман утверждали, что общее движение к более эгалитарным обществам в Европе привело к постепенному движению к «семантике солидарности». В Европе 21-го века политическая ситуация совсем другая, и мы вполне можем испытывать постепенное возвращение к «семантике власти». Согласно модели Брауна и Гилмана, мы можем предсказать, что более эгалитарная (суб) культура приведет к сокращению использования форм вежливости, которые сигнализируют о социальной дистанции и различиях во власти, в то время как более консервативная (суб) культура будет способствовать их использованию. Таким образом, в обществе могут развиваться различные классовые нормы вежливости.

1.2.2. Взгляды на функции вежливости

В современной литературе по данной теме высказывается ряд мнений относительно функций вежливости. На одной из крайностей этого континуума есть те, кто подчеркивает альтруистические аспекты вежливости. Это явление описывается как способ выражения заботы о других, способствующий поддержанию или восстановлению гармонии в социальном взаимодействии. Другие занимают более нейтральную позицию и утверждают (как, например, Мейер), что вежливость просто выполняет то, что является социально приемлемым. С другой стороны, выражается более циничный взгляд на вежливость. Здесь вежливость, в конечном счете, рассматривается как средство усиления желаний эго.

По словам Лакоффа, одного из пионеров в исследовании вежливости, вежливость состоит из форм поведения, которые были «разработаны в обществах для того, чтобы уменьшить трения в личном взаимодействии» (Лакофф, 1975). Эта точка зрения поддерживается многими другими исследователями в этой области. Лич интерпретирует вежливость как формы поведения, направленные на создание и поддержание гармоничных

взаимодействий (Лич, 1983); Фрасер и Нолэн утверждают, что степень вежливости выражается в результате разговорного контракта, заключенного собеседниками, чтобы избежать конфликта и дисгармонии (Фрасер и Нолэн, 1981); Браун и Левинсон считают, что вежливость предполагает возможность агрессии, «поскольку она стремится разоружить ее и делает возможным общение между потенциально агрессивными партнерами» (Браун и Левинсон, 1987). Грин относится к вежливости как к «любимым средствам, используемым для того, чтобы проявлять внимание к чувствам адресата» (Грин, 1989), а Холмс определяет вежливость как «поведение, которое активно выражает позитивную озабоченность по поводу других, а также не навязывающее дистанционное поведение» (Холмс, 1995).

Совсем недавно некоторые исследователи (Уотс, 1992, Элих, 1992, Майер, 1995, Джари, 1998;1999) начали рассматривать эгоцентрические аспекты вежливости с мотивацией, что традиционные модели вежливости слишком сосредоточены на потребностях слушателя. Уотс считает, что лингвистическая вежливость является «попыткой со стороны эго улучшить свое положение в отношении изменения по какой-либо причине» (Уотс, 1992). На аналогичной ноте Джари утверждает, что, хотя человек может проявлять вежливость из-за беспокойства за адресата, конечная мотивация заключается в том, чтобы обеспечить его собственное постоянное благополучие как в долгосрочной, так и в краткосрочной перспективе: «в краткосрочной перспективе целью коммуникатора будет получение доверия адресата; в долгосрочной перспективе ее цели будут включать в себя стремление стать/оставаться любимым и уважаемым членом определенной группы» (Джари, 1998). Показывая, что вы относитесь к соотечественнику группы с большим уважением, по словам Джари, будет полезно, потому что это повысит вашу собственную репутацию в глазах этого человека. Однако демонстрация своего положительного мнения о ком-то другом – не просто вопрос предоставления этому доказательств. Доказательства также должны рассматриваться как актуальные и искренние. Если это не так, то попытки

выразить признательность другому лицу могут иметь пагубные последствия, поскольку адресат поймет ваш реальный мотив – поднять свое мнение о себе. Основываясь на этих предположениях, Джари указывает, что вежливость — это баланс «между грубостью и чрезмерной вежливостью».

Хэлд подтверждает традиционный взгляд на вежливость, как средство минимизации потенциальных конфликтов, но добавляет, что это делается для максимизации личной прибыли (Хэлд, 1999). Лич также затрагивает этот аспект вежливости, когда он очень пронизательно указывает на то, что: «если Вы не будете вежливы со своим соседом, канал связи между вами сломается, и вы больше не сможете брать его косилку» (Лич, 1983).

В конечном счете, взгляд на вежливость какого-либо исследователя, будет иметь отношение к его/ее интерпретации использования знаков лингвистической вежливости, таких как извинения международные или внутрикультурные.

1.2.3. Теория лингвистической вежливости Брауна и Левинсона

В основе теории Брауна и Левинсона лежала идея «лица», полученная из повседневных терминов «потеря лица» и «сохранение лица» (Гоффман, 1967;1971). Термин был впервые принят Гоффманом для описания потребности людей поддерживать положительный образ себя в присутствии других. В то время как очевидно, что большинство из нас пытаются проецировать как можно более позитивный образ себя, Гоффман отметил, что люди также склонны избегать угроз для образов других людей. Когда кто-то непреднамеренно выставляет себя дураком, это может быть столь же неудобным для зрителей, как и для актера; аналогично, извинение может заставить получателя чувствовать себя неловко, как и извиняющегося. По словам Гоффмана, люди взаимодействуют в таком потворствующем заговоре, чтобы избежать подобного смущения. Также, согласно Гоффману, в этом смысле наши «я» представлены с целью взаимодействия с другими и

развиваются и поддерживаются при взаимодействии других посредством взаимодействия.

Опираясь на теорию Гоффмана о потребностях «лица», Браун и Левинсон сформулировали свою лингвистическую теорию вежливости. Они определили два различных компонента «лица»:

1) *Negative face* (авторы подразумевают желание индивида не причинять ущерб своими действиями собеседнику и не допускать его со стороны собеседника по отношению к себе)

2) *Positive face* (авторы называют желание индивида получить одобрение собеседника)

Почти любое социальное взаимодействие включает в себя действия, которые потенциально угрожают одному или двум из этих аспектов «лица». Такие акты были обозначены как "*Face Threatening Acts*" (акт угрозы лицу) (*FTAs*) в терминологии Брауна и Левинсона. Наиболее очевидно, что *FTA* включают отрицательные оценки или игнорирование положительного «лица» других людей. Это могут быть выражения неодобрения, противоречия или насмешки, направленные против другого человека, а также несдержанное поведение, такое как поднятие запретных тем, выражение неуместных или преувеличенных эмоций или откровенное нежелание сотрудничать, показывая отсутствие внимания к говорящему. Менее очевидными *FTAs* являются такие действия, как предложения, прогнозы будущих действий, напоминания, советы и запросы, которые являются потенциальной угрозой, поскольку они ущемляют свободу действий другого человека, т. е. его негативное лицо.

Учитывая взаимное недоумение, которое ощущается при «потере лица», любой разумный, преследующий благие намерения субъект попытается свести к минимуму влияние *FTA*, когда это возможно. Однако, вопреки этому желанию, необходимо поддерживать собственное лицо и разумное общение. Учитывая этот неотъемлемый конфликт интересов в любом речевом акте, форма, которую он принимает, будет определяться

сложившимися обстоятельствами: небольшая или никакая угроза потери «лица» или необходимость разумного общения, например, в чрезвычайной ситуации (*Lower the life boats!*). С другой стороны, чрезвычайная угроза должна привести к предотвращению *FTA* в целом.

1.2.4. Критика теории Брауна и Левинсона

Теория Брауна и Левинсона была подвергнута критике по нескольким пунктам. Многие авторы возражали против утверждений Брауна и Левинсона относительно универсальности их парадигмы. Некоторые ученые (Блум-Кулька, 1987, 1989; Хелд, 1989, Вержбицкая, 1985, 1991) отметили проблемы, возникающие при оценке вежливости на основе степени косвенности в межкультурных исследованиях. Мейер утверждает, что «прямые» и «косвенные», «более вежливые» и «менее вежливые» представляют собой «опасные» термины, которые должны использоваться с особой осторожностью, особенно в разных культурах» (Мейер, 1995: 387). Другие, особенно азиатские ученые (Матсумото, 1988, Идэ, 1989, Гу, 1990, Мао, 1994, Идэ, 1998), указали, что теория Брауна и Левинсона содержит этноцентрический уклон к западным языкам. Согласно Идэ, ориентация на индивидуализм в западных обществах облегчает понятие лица, как ключ к взаимодействию (Идэ, 1989). Однако в обществе, где членство в группах является основой для взаимодействия, понятие лица становится менее полезным. Этот тезис посвящен одной культуре, а именно Великобритании 1990-х годов. Тем не менее, сомнения относительно универсальности теории, выраженной в межкультурных исследованиях, также могут быть применимы к межкультурным исследованиям. Таким образом, необходимо проявлять осторожность при интерпретации наблюдаемых закономерностей извинения в разных социальных группах в отношении вежливости.

Было заявлено, что модель вежливости Брауна и Левинсона слишком упрощена и не учитывает все факторы, которые влияют на вежливость,

например, такие контекстуальные факторы, как формальность. Холмс утверждает, что формальность должна быть включена в качестве отдельного фактора в анализ вежливости (Холмс, 1995). В формальной обстановке выступающие, как правило, сосредотачиваются на деловых ролях, концентрируясь на информативном содержании языка. В неформальной обстановке личные отношения играют более значительную роль в разговорах, а фатические функции языка становятся более важными. В целом, по словам Холмс, негативная вежливость будет использоваться чаще в формальной, чем в неформальной обстановке, а позитивная вежливость наоборот. Чтобы проиллюстрировать свою точку зрения, она приводит в пример адвокатов, которые являются братьями, но которые, тем не менее, обращаются друг к другу как *my learned colleague* в суде. Она также утверждает, что мужчины и женщины имеют весьма различное толкование соответствующего языкового поведения в зависимости от формальности контекста.

Слуговский и Тернбул предполагают, что «аффект» должен быть добавлен в список факторов, влияющих на вежливость (Слуговский и Тернбул, 1988). На аналогичной ноте Фрейзер критикует дуализм теорий Брауна и Левинсона как слишком статичную модель, чтобы учитывать реальное взаимодействие. Он видит в степени соответствующей вежливости то, что постоянно обсуждается и пересматривается в ходе любого взаимодействия. В предлагаемой им модели *the Conversational Contract* учитываются такие факторы, как симпатия или неприязнь между партнерами, возникающие по мере развития взаимодействия. В исследовании корпуса нет средств для измерения потенциальной неприязни между говорящими. Однако при интерпретации результатов следует учитывать потенциальное влияние таких факторов.

Вольфсон вводит дополнительный фактор, влияющий на выбор стратегий вежливости: «относительная уверенность в отношениях» (Вольфсон, 1988). Согласно Вольфсону, стратегии негативной вежливости

обычно наблюдаются во взаимодействиях между близкими и незнакомыми (две крайности социальной дистанционной шкалы), тогда как позитивные стратегии вежливости, по-видимому, являются нормой для знакомых. Между близкими, а также совершенно незнакомыми людьми, есть «фиксированное состояние», в котором ораторы знают, чего ожидать друг от друга. Среди друзей и знакомых картина сложнее. Вольфсон утверждает, что «в сложном городском обществе, в котором говорящие могут принадлежать к различным непересекающимся сетям, и отношения между говорящими часто являются неопределенными». Трудно понять, где человек стоит на шкале социального рейтинга, и в результате вместо того, чтобы сигнализировать о различиях, люди стараются проявить солидарность, чтобы избежать конфронтации.

1.3. Термин «извинение»: этимология слова и словарные определения

Опять же, этимология и существующие словарные определения извинения представляют интерес, поскольку они отражают исторические разработки и современные концепции, связанные с термином. «Извинение» происходит от греческого слова *ἀπολογία*, что означает «защита» или «защитительная речь» (OED, 1993). Этот «защитный» аспект этого термина, по-видимому, был основным смыслом с конца шестнадцатого века до середины девятнадцатого века: *The OED (The Old English Dictionary)* описывает это раннее значение термина следующим образом: «Отказ от обвинения или вменения, выраженный, подразумеваемый или только задуманный, насколько это возможно; защиты человека или оправдания учреждения и т. д., от обвинения или обращения» (OED, 1993:200).

Постепенное перемещение смысла от институциональной области к более межличностной сфере, по-видимому, имело место в конце XVI и начале семнадцатого века. К семнадцатому столетию этот термин, по крайней мере, неофициально, означал защиту или оправдание конкретного

действия: «Обоснование, объяснение или оправдание инцидента или хода действий» (OED, 1993).

Более тесное использование этого термина подразумевает выражение «сожаления» от имени говорящего за совершенное деяние: «Разъяснение, данное лицу, пострадавшему в результате чьих-либо действий, о том, что не было совершено никакого деяния, в сочетании с выражением сожаления, или откровенное признание проступка с выражением сожаления в порядке возмещения» (OED, 1993).

Другие текущие определения словаря извинения включают *"an act of saying sorry"* (Cambridge International Dictionary of English, CD-ROM version, 2001), *"something that you say or write to show that you are sorry for doing something wrong"* (The Longman Dictionary, Web version, 2001), и *"something that you say or write in order to say that you are sorry that you have hurt them, upset them, or caused them trouble"* (Collins Co Build English Language Dictionary, 1993). Обращаем внимание на тесную связь извинения (*apology*) с формой сожаления (*sorry*) в приведенных выше определениях словаря.

Второстепенные определения термина представляют собой неформальное использование термина как означающего плохое оправдание для чего-либо: *"An apology for a particular thing is a very poor example of it"* (Co Build English Language Dictionary, 1993). При более формальном использовании элемент защиты по-прежнему подразумевается, например, *"An apology is a formal explanation or defence of a belief or system, esp. one that is unpopular"* (Cambridge International Dictionary of English, CD-ROM version, 2001).

Хотя большинство людей сегодня ассоциируют термин «извинение» с выражением сожаления, следует иметь в виду его историческое значение. Некоторые из «менее вежливых» использований форм извинений на самом деле частично соответствуют историческим последствиям этого термина (т. е. защите).

1.3.1. Извинения и концепция «лица»

Понятие «лицо» является полезным инструментом при анализе социально-психологических процессов, связанных с извинениями. Вопросы, связанные как с негативным, так и с позитивным лицом, должны быть приняты во внимание при рассмотрении различных видов использования этого речевого акта. Кроме того, это следует рассматривать точку зрения как слушателя и докладчика: «Извинение в основном является речевым актом, призванным обеспечить поддержку **H** (слушателя), который был фактически или потенциально недосыгаем в результате нарушения **X**. В решении выполнить словесное извинение **S** (говорящий) готов унизить себя или в какой-то степени, и признать вину и ответственность за **X**. Следовательно, акт извинения – это спасение лица для **H** и угроза для **S**» (Браун и Левинсон, 1978).

Хотя это описание ситуации в прототипических извинениях, видимых с точки зрения традиционной вежливости и красноречиво, недостаточно описать диапазон различных извинений, обнаруженных в этом исследовании. Теперь я буду обсуждать вопрос о лице в связи с извинениями более подробно, начиная со стороны говорящего.

1.3.2. Извинения и «лицо» говорящего

Большинство примеров извинений связаны с определенной потерей «лица» со стороны оратора. Извиняясь, мы признаем, что виноваты и как-то ответственны за деяние. Возможно, именно поэтому мы иногда неохотно извиняемся. Любой, у кого есть дети, может подтвердить, что извинения – это не то, что приходит естественным путем; это нужно выучить. Огромные усилия прилагаются для того, чтобы научить детей «извиняться». Этот процесс социализации мотивирован общественными нормами и

последствиями их нарушения согласно Эймеру: «человек, который не приносит извинений в ситуациях, когда этого требует социальная норма, рискует считаться невежливым и грубым и менее компетентным членом общества» (Эймер, 1995).

Рассмотрим следующий пример, где два родителя, Крис и Роза, отчаянно, но безуспешно, пытаются заставить своего двухлетнего сына Кайла извиниться после того, как он ударил своего друга:

Chris: Give Rosie a kiss and say ta-ta. (фонация: крик) Kyle. (конец фонации)

Rosie: Come here.

Chris: Say **sorry**. Hey. Say **sorry**.

Rosie: I'll get his coat.

Chris: You've hurt Matthew say **sorry**. Do want smacked?

Chris: Did he hit you (неясность)

Rosie: He never gets smacked does he?

Chris: Say **sorry**. What a defiant little

Rosie: You gonna give us a kiss there now? Kyle.

Chris: He doesn't deserve one.

Chris: Say sorry.

Rosie: You give us a kiss. Give us a kiss.

Chris: Right you'll be put to bed without any supper tonight.

Rosie: You've had it now. Straight to bed I just put him to bed now.

Chris: Mhm.

Rosie: Go and get his pajamas and I'll (короткая пауза) (неясность)
(короткая пауза)

Chris: (короткая пауза) Come on then (короткая пауза) come and get your pajamas on.

Rosie: No bath straight (короткая пауза) to bed (короткая пауза).

Chris: (короткая пауза) You're (короткая пауза) going straight to bed.

Phil: Bye bye Kyle.

Rosie: Say bye bye.

Kyle: Bye.

Chris: (смех) Ta-ta.

Rosie: Ah Matthew's not your friend now. Is he now?

Иногда взрослым также трудно извиниться, особенно в общественных ситуациях. Ольштейн приводит один из таких примеров, когда извинения, а точнее, половинчатые извинения, чуть не привели к падению израильского кабинета. В то время у власти было коалиционное правительство, и министр промышленности Ариэль Шарон из партии «Ликуд» выступил с рядом речей, критикующих премьер-министра Шимона Переса из Лейбористской партии. Перес угрожал уволить Шарона, если тот «полностью, ясно и недвусмысленно» (Ольштейн, 1989) не извинится по шести пунктам. Шарон продолжал делать это довольно неохотно, признавая тот факт, что его заявления не были задуманы как личное оскорбление Переса, но тот отказывался изменить свое мнение. Перес ответил заявлением: «Я не играю в детские игры, и Шарон не избежит этого вопроса с половиной извинений». Только после третьей попытки принести извинения, а именно: «Я поддерживаю правительство и, конечно же, приношу извинения за то, что использовал в своем выступлении такие резкие выражения», Шарон принял извинения Переса, и кризис был предотвращен.

Дебора Таннен описывает аналогичную ситуацию в своей статье «Извинения: что значит сказать «извините». Президент Клинтон, после его показаний в суде присяжных по делу Левинского, был обвинен прессой в том, что он не принес достаточных извинений. Основной причиной этого, по словам Таннен, был тот факт, что он никогда явно не говорил *"I'm sorry"* или *"I apologise"*. Таннен указывает, что такие явные извинения, вероятно, ослабили его общественный имидж. Американская публика, казалось, была достаточно удовлетворена заявлением Президента, поскольку они не

считали, что Клинтона следует вытеснить с должности, «они предпочли бы иметь сильного президента, чем слабого» (Таннен, 1998).

Примеры иллюстрируют тот факт, что, хотя извинения могут восстановить гармонию, но также часто могут показать оратора со слабой стороны. Возможно, именно по этой причине П. Г. Уодехаус сказал: «Хорошее правило в жизни – никогда не извиняться. Правильные люди не хотят извинений, а неправильные используют их в своих интересах» (Уодехаус, 1914: 116)?

В большинстве исследований основное внимание уделялось преимуществам слушателей в исследованиях извинения (Мейер, 1995). Однако, учитывая правильные обстоятельства, извинение может также улучшить имидж говорящего в глазах других. Это вполне может служить сильной мотивацией для некоторых извинений, особенно когда говорящий хочет показать, что деяние было ему не свойственно и, таким образом, не должно восприниматься как истинное отражение его/ее Я. Этот тип извинений часто сопровождается объяснениями. В следующем примере, Энид, семидесятилетняя домохозяйка пригласила на обед свою подругу Пэтси. Муж Энид, Ноэль, также присутствует:

Enid: I should **apologize** for canned soup, but I spent so long talking to Stanley this morning

Patsy: Mm?

Enid: you know sometimes you can just tell he wants you to talk to him, and erm (пауза) so I er couldn't make a proper soup, sorry, (короткая пауза) but this is (короткая пауза)

Patsy: (короткая пауза) I think(короткая пауза)

Enid: good actually I think.

Patsy: Yes, which is it? Is it Heinz?

Enid: Heinz tomato (фонация: смех) (неясность) (конец фонации)

Patsy: I (пауза) I made some stock the other day

Пэтси объясняет, в мельчайших подробностях, как она варила кости, добавляла зелень и т. д. Можно размышлять над реальным мотивом извинений Энид. Действительно ли она извиняется за консервированный суп, который, по ее словам, довольно хорош? Или это реальное намерение показать Пэтси (которая сама варит бульон), что она «хорошая» домохозяйка, которая, по крайней мере, при нормальных обстоятельствах не прибегает к легким вариантам, таким как консервированный суп? Возможно, эти извинения не просто произносятся для того, чтобы убедить слушателя, но также могут рассматриваться, как попытка поднять свою самооценку.

Иногда такое поднятие самооценки достигается за счет кого-то другого. Остин утверждает, что предположение Брауна и Левинсона о том, что говорящий неизменно хочет сохранить «лицо» слушателя, не всегда можно считать само собой разумеющимся (Остин, 1990). Одна из таких ситуаций заключается в том, что сплоченность группы усиливается, когда какое-то «лицо» нападает на другого человека или группу. Саркастическое использование извинений часто встречается в таких ситуациях, и в БНК этот тип поведения кажется особенно распространенным среди подростков. В следующем примере группа подростков (17-21) готовится выйти гулять:

Leigh: **Excuse me lad**, we're in a hurry here!

Mark: We're supposed to be in a hurry. Look.

Leigh: About the time we're fucking get away

PS001: (смех)

PS6TK: All this waiting time!

Произнося это саркастическое замечание, Ли, возможно, улучшает свой имидж в глазах остальных друзей. Эти примеры показывают, что не следует упускать из виду функцию извинений как средства повышения имиджа говорящего.

1.3.3. Извинения и «лицо» слушателя

Согласно теории Брауна и Левинсона, извинение в первую очередь является примером негативной вежливости, направленной на удовлетворение потребностей «лица» слушателя: «Принося извинения за то, что совершил *FTA*, говорящий может указать на свое нежелание посягнуть на отрицательное лицо **H** (слушателя) и таким образом частично возместить то посягательство» (Браун и Левинсон, 1987: 187). Следующий пример иллюстрирует такое использование речевого акта, когда учитель, Джон, извиняется за изменение времени семинара:

John: (короткая пауза) Hello I'm **sorry** to (короткая пауза) mess up your tea (короткая пауза) and everything. I was explaining I got (неясность) (короткая пауза)

PS000: (короткая пауза) Oh no it's it's alright. (короткая пауза)

John: so many changes in lessons and everything today (короткая пауза) (короткая пауза)

PS000: (короткая пауза) Yeah. (короткая пауза)

John: had something else that I was just doing and I thought Oh I should be at Ian's for five o'clock. I didn't look at my timetable which I've got with me.

В этом примере воздействие на «отрицательное лицо» учащегося явно исправляется. Однако сказать, что такое устранение «отрицательного лица» является единственной функцией извинений, – это слишком ограниченный взгляд на этот универсальный речевой акт.

Мейер утверждает, что даже извинения как разоружающие просьбы (пример негативной вежливости в модели Брауна и Левинсона) могут при определенных обстоятельствах интерпретироваться как позитивная вежливость (Мейер, 1995). Фрейзер приводит один из таких примеров, когда обращение к человеку с просьбой временно присмотреть за своим ребенком на пляже может быть истолковано, как способ показать этому человеку свое доверие. Тем не менее, есть много более очевидных примеров, когда извинения устраняют угрозы для нужд «положительного лица» слушателя (Холмс, 1990). Рассмотрим следующие примеры:

PS4US: But I thought that er with (опущение имени) coming off that, Malcolm was going on to that.

PS4UV: Malcolm was doing part of it.

PS4US: **Sorry** I'm not laying any criticism anywhere (короткая пауза) (неясность) (короткая пауза)

PS4UV: (короткая пауза) (неясность) (короткая пауза) I know you're not Steve but all I'm saying is that we had a discussion about this earlier in the week. Chris refuses to do something I'm afraid when somebody's already done three quarters of the work, you can't put somebody on to do the last quarter.

В данном примере представлено незначительное несогласие с распределением ответственности во время деловой встречи, лицо, не согласное с PS4UV, тщательно исправляет это с извинением и заявлением о добром намерении.

B. Singh: **sorry**, Phil, are you alright?

P. Ford: It's alright.

B. Singh: Don't worry, I did go at a pace. Because...

P. Ford: Okay.

В предыдущем примере мы видим, что B. Singh, менеджер по продажам, участвующий в учебном курсе, явно показывает беспокойство о его коллеге, Филе, принося извинения и утверждая, что он шел слишком быстро, когда Фил отстал. Это пример стратегии позитивной вежливости Брауна и Левинсона «проявить внимание и заботу по отношению к Н (его интересам, потребностям, желаниям)» (Браун и Левинсон, 1987). Эти и многие другие примеры в корпусе показывают, что извинения часто используются для исправления *FTA* для нужд «положительного лица» слушателя.

Подводя итог, можно сказать, что функция извинения как знаков вежливости многогранна. С одной стороны, их можно рассматривать как типичные устройства отрицательной вежливости, но, как мы уже поняли, их использование также распространяется на область положительной

вежливости. Традиционно их использование рассматривалось, как способ проявить заботу о слушателе, но во многих случаях извинения, вероятно, сильнее мотивированы необходимостью поднять самооценку, иногда даже за счет адресата.

1.3.4. Извинения, определяемые формой или функцией

До настоящего времени в большинстве исследований, посвященных извинениям, в качестве отправной точки для проведения своих исследований использовалась функция извинений. Субъектам были представлены различные ситуации, в которых нужно было извиняться, и ответы были впоследствии зарегистрированы и проанализированы. Таким образом, «извинение» в этих исследованиях определяется функцией; речевой акт, используемый для исправления проступка. Мое исследование использует форму извинений в качестве отправной точки. Таким образом, объектом исследования является форма явного извинения, *IFID* (иллокутивная функция устройства цифровой индикации), и как она используется в разговорном британском английском. Как мы увидим, эта формула имеет ряд функций. Для того чтобы проиллюстрировать это, сначала необходимо более пристально взглянуть на прототипический взгляд на извинения.

Большинство определений извинений включают четыре основных компонента: «обидчик», «оскорбленный», «деяние е» и «мера». «Обидчик» – это лицо, которое считает себя ответственным за деяние, заслуживающее извинения. «Обидчик» не обязательно должен играть активную роль в деянии. Холмс указывает, что достаточно того, что «обидчик» чувствует ответственность за деяние (Холмс, 1990). Такие примеры включают взрослых, извиняющихся за детей или домашних животных, или отдельных лиц, извиняющихся в роли представителей организаций. В следующем примере радиоведущий приносит извинения за грубые выражения, используемые человеком в предыдущей части программы:

Ed Dolan: ...And er finally on er on our debate earlier on, a lot of callers tonight are er I would say quite justifiably angry about the language used in an earlier debate, the earlier drugs debate by Well we we back that up here at Central Weekend and we **apologize** if anyone's been offended.

«Оскорбленный» является жертвой деяния. Однако этот человек не обязательно воспринимает себя как такового. В БНК имеется множество примеров, когда слушатели удивляются, когда получают извинения. В следующем примере Одри извиняется перед своей будущей невесткой за то, что ее сестра Мардж отклонила приглашение на предстоящую свадьбу:

Audrey: But I thought the reply was abs I thought it was utterly disgraceful! And she's done it to spite me Rosie. (короткая пауза) And **I apologize**. (короткая пауза)

Rosie: (короткая пауза) I didn't, I didn't (короткая пауза) take a lot of notice really. I mean what er, what she put was that o-- okay (короткая пауза) wasn't it? (короткая пауза)

Audrey: (короткая пауза) I know, (короткая пауза) but the paper Rosie! And no (короткая пауза) address (короткая пауза)

И наоборот, иногда оскорбленный должен указывать на деяние обидчику, который сам того не понимает. В следующем примере отец и сын завтракают:

David: (неясность) (пауза) I can't eat it (короткая пауза) plain. (короткая пауза)

Phillip: (короткая пауза) I'm not, (короткая пауза) I'm not asking you to eat it Dave, I just wish you didn't pass it across to me like that.

David: Oh! **Sorry!**

«Деяние» относится к инциденту, который заслуживает извинений. Порой достаточно ожидания того, что этот инцидент заслуживает извинений. Извинения часто подразумеваются как «разоружитель» в ожидании агрессивных действий (Эдмондсон, 1981, Эйджмер, 1996). В таких случаях Эдмондсон рассматривает извинение как коррективную работу для

«намерения совершить тот или иной коммуникативный акт» (Эдмондсон, 1981:282). В следующем примере Джон, судья Департамента Окружающей среды, указывает, что есть один человек, у кого есть какие-либо возражения против предложения во время публичного планирования зеленой зоны. Обратите внимание, как Джон колеблется и извиняется перед тем, как разоблачить миссис «Аноним». Таким образом, он пытается «разоружить» смущение, которое он вызовет:

John: It may well As far as I know it's it is only Mrs (пауза из-за опущения имени) er who has said, I **I'm sorry** to er to say this Mrs (пауза из-за опущения имени), you are the only person who has said that you wish to produce additional representations. It could be others are keeping quiet about this, I don't know.

Последним и, возможно, самым важным компонентом извинения является «мера». Он содержит три подкомпонента, все из которых необходимы для того, чтобы извинения были признаны таковыми:

Обидчик (но не обязательно оскорбленный) должен признать деяние. Без такого признания не может быть никаких извинений, останется просто неразрешенный конфликт.

Должна существовать определенная форма признания ответственности со стороны правонарушителя, точная или понятая.

Наконец, извинение должно включать некоторую форму выражения сожаления со стороны обидчика (например, "*sorry*", "*pardon*", "*excuse*", "*forgive*").

Концепция «прототипного» извинения» с функциональной точки зрения обобщена на рисунке 1.1:

Рисунок 1.1. Четыре компонента, включенные в прототипные извинения

Существует ряд примеров использования формы извинения в корпусе, которые частично выходят за рамки этого прототипного взгляда на речевой акт. Можно выделить следующие категории:

«Шаблонные» извинения: произносимые в ситуациях, когда проступок минимален, или его почти нет, и где извинения являются обычным делом. Примеры включают извинения за социальные неудобства, такие как кашель, и извинения за оговорки.

«Шаблонные извинения с дополнительными функциями»: произнесены в ситуациях, когда «проступок» минимален, а извинения имеют другие функции, например, как во время ремонта. Примером могут служить подсказки и рекомендации.

«Извинения «нападки»»: произносятся в ситуациях, когда исправление положения извинением сомнительно. Примеры включают саркастические извинения, когда деяние тривиально, и ситуации, когда извинения используются, чтобы создать проблему, например: «Извини, Крис, но ты переходишь черту!».

Мэттсон и Джонстон утверждают, что существует функциональный континуум для формы извинения (Мэттсон и Джонстон, 1994). На «ситуационном» конце этого континуума они размещают наиболее рутинизированные формы с заданными функциями. Эти извинения, как правило, являются непродуманными выражениями, такими как *sorry* и *pardon*, чьи функции обычно связаны с задачами управления речью. «Ситуативные» извинения помогают поддерживать разговор и сигнализируют о просьбе что-либо повторить, изменения темы, прерывание, незначительные ошибки и т. д. Они отвечают только предварительным условиям прототипного извинения в свободном смысле слова. На другом конце функционального континуума стоят сердечные «личные» извинения. Согласно Мэттсону и Джонстону, «личные» извинения, как правило, более сложные и часто сопровождаются оправданиями. Этот функциональный континуум извинений был очевидным в настоящем исследовании и отражался в формах наблюдаемых речевых актов.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ I

В данной главе были определены основные термины и понятия исследования. Прежде всего, это «вежливость» и «извинение».

Мы увидели, что извинения, как правило, сопровождаются ограниченным набором легко идентифицируемых стандартных формул. Теоретически можно извиниться, не используя такие формы, как *I'm sorry* или *excuse me*, но исследование показало, что такое бывает в английском языке редко (Майер, 1998). Таким образом, относительно легко выявить извинения в исследовательском материале и это особенно выгодно в лингвистических исследованиях корпуса.

Ограниченный набор стандартных формул, используемых при извинении, также означает, что носители языка легко связывают языковые

формы со сложным социальным ритуалом. Лангакер описывает этот процесс как «закрепленность», в котором очень сложные события становятся «заранее упакованными» в легко выявляемых единицах посредством процесса повторения и хорошо репетируемого установленного порядка. Вероятно, такие легко идентифицируемые единицы (благодарность и приветствия были бы другими примерами) составляют значительную часть «вежливости» в сознании «среднестатистического человека, говорящего на английском языке».

Также очень важно было упомянуть, что процесс принесения извинений не является обычным делом. Это связано со многими сложными социальными и психологическими проблемами, которые лежат в основе исследований вежливости. Прототипное извинение включает регрессивное действие, которое «дает лицо» адресату. В то же время извинения могут привести к тому, что тот, кто извиняется, потеряет лицо. Таким образом, решение о том, извиняться или нет, скорее всего, будет зависеть от таких факторов, как властные отношения и социальная дистанция.

В заключение следует отметить, что извинения (и, соответственно, лингвистические формы, связанные с речевым актом) тесно связаны с вежливостью на фольклорно-лингвистическом уровне. В то же время социально-психологические процессы, связанные с речевым актом, делают его интересным объектом для изучения вежливости.

ГЛАВА II. ИЗВИНЕНИЕ

2.1. Лексемы

Выражения извинения, выбранные для этого исследования, были основаны на классификации, предусмотренной в руководстве по кодированию *CCSARP* (Cross-Cultural Speech Act Realization Project) (Блум-Кулька, Хаус и Каспер, 1989), в котором перечислены извинения *IFIDs* как выражения, содержащие слова *sorry, excuse, apologise, forgive, pardon, regret,* и *afraid*. Эта классификация предоставляет наиболее полный список *IFID*, используемых в исследованиях извинений на сегодняшний день.

Другие авторы использовали различные классификации: Ольштейн и Кохен перечисляют три подформулы, которые охватывают основную семантическую формулу «выражений извинения», а именно: 1) попытка извинения, 2) выражения сожаления и 3) просьба о прощении (Ольштейн и Кохен, 1983). В качестве примеров лексем, которые выражают прямые извинения, Ольштейн и Кохен перечисляют «глаголы извинения»: *apologise, besorry, forgive, excuse,* и *pardon*. Формы *regret* и *afraid* не включены в эту классификацию.

В список извинений Оуэн не входит *pardon* или *excuse*, двух очень важных форм в настоящем исследовании. Она, однако, решила включить использование формы *be afraid*. Классификация выражений, включающая, *I'm afraid...*, как извинение спорна. Во многих случаях эта форма просто выражает «примирительное» отношение говорящего к суждению, которое утверждается или объявляется» (Эйджмер, 1996), вместо того, чтобы функционировать как явное извинение. Возможно, такие наречия, как *unfortunately* или *regrettably*, выполняют аналогичную функцию, и действительно, их использование во многих случаях может быть более или менее синонимичным выражениям, содержащим *I'm afraid*: например, высказывание *I'm afraid it is raining* можно выразить как *Unfortunately it is raining*. Обе конструкции указывают на объективную перспективу.

Говорящий выражает сожаление по поводу сложившейся ситуации, однако между ним и печальным положением дел нет никакой связи ответственности. Когда, как и в приведенных выше примерах, эта связь ответственности отсутствовала, высказывания, содержащие *afraid*, не классифицировались как извинения. С другой стороны, такие заявления, как *I'm afraid I have broken your vase*, действуют как извинения. Связь ответственности между говорящим и деянием четко выражена, и в настоящем исследовании такие примеры были расценены как извинения.

На рис. 2.1 перечислены лексемы и число случаев, когда они встречались в качестве извинений в корпусе:

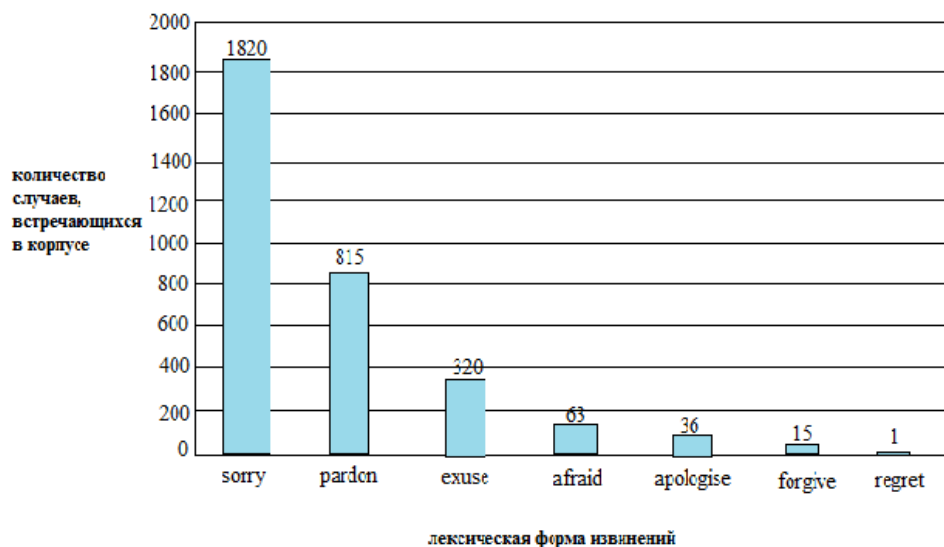

Рисунок 2.1. Выражения извинения, встречающиеся в подкорпусе

Всего в корпусе было найдено **3070** явных извинений. Из них **59,2%** содержали форму извинения *sorry*, **26,5%** *pardon* и **10,4%** *excuse*. Остальные лексемы *afraid*, *apologise*, *forgive* и *regret* в совокупности составили около **3,9%**.

В соответствии со многими другими исследованиями извинений, результаты *BNC* показывают, что *sorry* является наиболее распространенным формульным выражением извинения, используемого в английском языке; **59%** явных извинений, встречающихся в этом исследовании, содержали

именно эту форму (Оуэн, 1983, Холмс, 1990, Майер, 1992, Мэттсон и Джонстон 1994 и Эймер, 1996). Однако, это относительно низкая частота по сравнению с результатами многих других исследований. Мэттсон и Джонстон зарегистрировали, что *sorry* используется в **77%** исследованных извинений. В исследовании Эймера **83,7%** извинений были формой *sorry*, а в исследовании Холмс **79,3%** содержали эту форму. Формы *excuse* и особенно *pardon* употреблялись гораздо реже в этих исследованиях. Методологические различия и различия в стилях языка, отобранных во многих исследованиях, могут в значительной степени объяснить эти расхождения.

Похоже, что *sorry* чаще встречается в более формальных текстах, чем в неофициальных, и в настоящем исследовании эта форма составила **74,7%** извинений в более формальных «контекстно-зависимых» текстах. Вариации в методологии могли бы объяснить более высокую частоту употребления *sorry* у Холмс. Она не получила результатов из собранных записей, но полагалась на информацию о событиях речевого акта, предоставленную со вторых рук. В результате многие извинения за мелкие проступки, вероятно, были упущены из виду. Низкий уровень употребления формы *pardon*, на которую приходится лишь **2,3%** извинений по Холмс, вероятно, является одним из следствий такого методологического подхода. Форма является общим ответом, когда говорящий неправильно понял, что было сказано, и такие незначительные извинения, вероятно, были упущены респондентами в исследовании Холмс.

2.2. Деяния

В этом разделе мы рассмотрим виды деяний, в связи с которыми были принесены извинения. Во-первых, классификация, используемая в этом исследовании, мотивирована и контрастирует с некоторыми другими классификациями, используемыми в других исследованиях извинений. Затем приводится общее распределение различных деяний и сопоставляются

результаты некоторых предыдущих исследований натуралистической речи. В разделе 2.2.1 деяния будут описаны более подробно.

«Деяние», или «объект сожаления» (Кулмас, 1981), является тем, что мотивирует извинение. По-видимому, характер и тяжесть этого события в значительной степени определяют форму последующего извинения. Кулмас рассматривает «тип» и «тяжесть» (Кулмас, 1981) как два измерения, которые необходимо учитывать при рассмотрении деяния. Отсутствие возможности прийти на вечеринку, скорее всего, приведет к другим извинениям, нежели чем, например, наступить на чью-то ногу. Точно так же, нечаянно с кем-то столкнуться, не будет заслуживать такого серьезного ответа, как ударить кого-то, сломав ему палец.

В данном исследовании системно рассмотрены виды деяний, которые приводили к извинениям. Однако судить о тяжести этих деяний из материалов корпуса было более проблематично; скрытые контекстуальные и субъективные факторы, возможно, сыграли важную роль в определении серьезности поступка.

Выявление и классификация правонарушений в *BNC* (British National Bank) требовалось по нескольким причинам: в некоторых разговорах информация, необходимая для идентификации серьезности поступка, отсутствовала в корпусе. К таким примерам относятся случаи, когда событие, предшествовавшее извинениям, произошло до начала записи, или когда деяние носило такой характер, что простая аудиозапись не захватила его. Кроме того, было ограниченное число случаев, когда два или более потенциальных события могли мотивировать те же извинения. Эти проблемы, а также тот факт, что причина для принесения извинений отсутствовала, привели к тому, что в общей сложности **125** деяний в корпусе остались неизвестными.

К сожалению, в прошлых исследованиях не было достигнуто достаточного консенсуса в классификации деяний. Вульфсон, Мармор и Джонс перечисляют следующие виды социальных обязательств, которые,

будучи нарушенными, приводят к извинениям среди американских субъектов:

- Обязательство соблюдать социальную ответственность или связанные с работой соглашения...
- Обязанность уважать собственность других людей...
- Обязательство не причинять вреда или неудобства другим.

Холмс предлагает иную классификацию, основанную на типах деяний, которые заслуживают извинений, найденных в ее этнографическом исследовании. Были перечислены шесть основных категорий деяний: «неудобства», «пространство», «разговор», «время», «имущество» и «социальные неудобства» (Холмс, 1990). Основываясь на этой структуре, Эйджмер дополнительно развил категории, представляющие следующую классификацию:

1. Разговор: прерывание; не услышав и не поняв, что кто-то сказал; оговорки; отклонение от темы; исправления; неясность.
2. Время: опоздание, трата чужого времени, задержки, не поддержание связи, отмена встречи.
3. Пространство: беспокоить или надоедать другому человеку, вторжение в чью-то личную жизнь.
4. Социальные неудобства: кашель, икота, чихание и т.д.
5. Неудобство или невежливость по отношению к другому человеку: ошибочное указание личности, выход из комнаты до завершения разговора, прерывание разговора, чтобы ответить на телефон и т.д., несоблюдение запроса, приглашения, предложения и т.д.
6. Имущество: ущерб имуществу человека.

Категории деяний, используемые в этом исследовании, были частично основаны на классификациях Холмс и Эйджмер, но их пришлось изменить, чтобы учесть ряд извинений, встречающихся в корпусе. Следовательно, первоначальные классификации Холмс и Эйджмер были реорганизованы, и

было создано несколько «новых» категорий деяний. Цель каждого ярлыка категории заключалась в том, чтобы уловить суть социальных ситуаций, которые привели к извинениям, появившимся в корпусе. В таблице 2.2 кратко излагается классификация деяний в настоящем исследовании, и их относительное распределение в корпусе.

Таблица 2.2. Категории деяний, встречающиеся в корпусе

Категории деяний	Примеры
1: Случайность (2.5 %)	Повреждение имущества, непреднамеренное причинение вреда кому-либо, столкновения, непреднамеренное притеснение
2: Ошибки и недоразумения (8.9%)	Недопонимание, ошибки
3: Обман ожиданий (8.8%)	Отклонение предложений, отклонение запросов, забывание соглашений, несоблюдение соглашений, невозможность оправдать ожидания, личные недостатки
4: Неуважение (15.5%)	Перерывать, не обращать внимания на человека, забывать имя, опаздывать, уходить ненадлежащим образом, причинять неудобства, брать что-то без разрешения, непреднамеренно оскорблять чьи-то чувства
5: Оплошности при разговорах (9.7%)	Оговорки, отклонение от темы, колебания, исправления, неясность, забывание что-то упомянуть

6: Социальные неудобства (5.0%)	Кашель, отрыжка, чихание, непреднамеренный громкий смех
7: Просьбы (3.9%)	Просьба о внимании, просьба о какой-либо помощи, просьба отойти/подвинуться.
8: Оплошности при слуховом восприятии (31.6%)	Не слышать, не понимать, не верить своим ушам
9: Нарушение взаимопонимания (9.9%)	Несогласие или противоречие, выговор, отказ, отрицание, ответные меры, настаивание, оспаривание
10: Не определенные (4.1%)	Деяния, которые не могут быть выявлены в корпусе

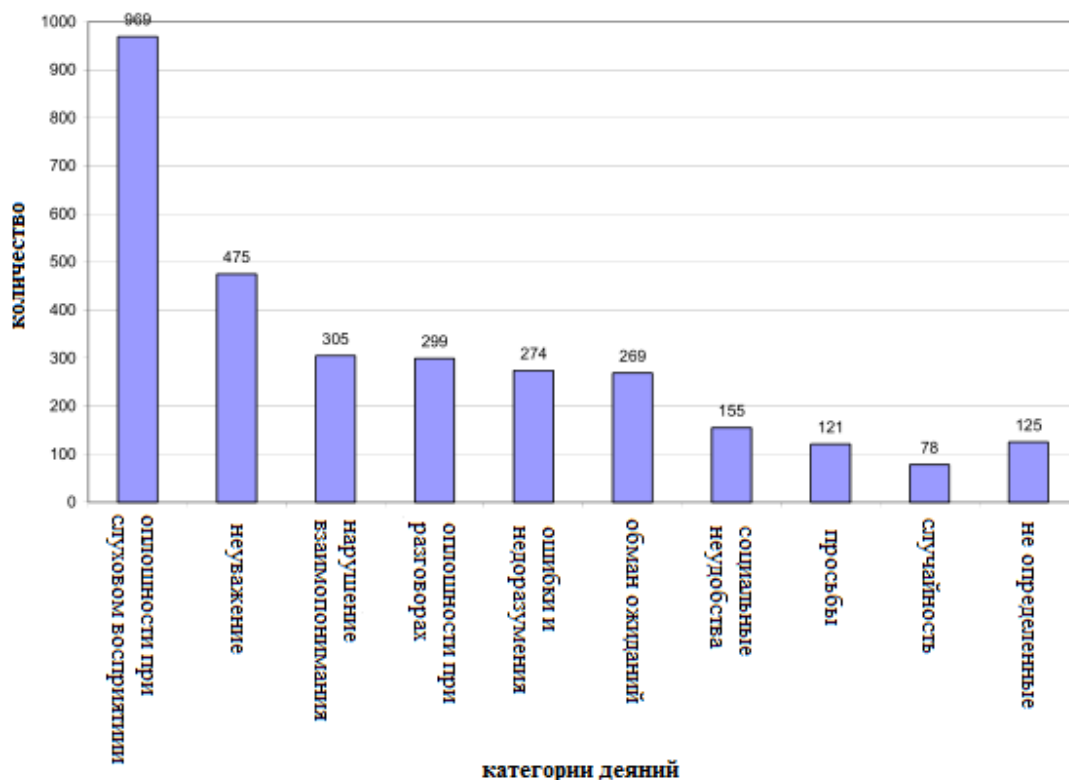

Рисунок. 2.2. Общее распределение категорий деяний по корпусу

Из-за таксономических различий трудно проводить прямые сравнения между данными о правонарушениях, полученными в настоящем

исследовании, и результатами других исследований натуралистической речи. Однако можно провести определенные параллели.

В своем исследовании Эйджмер эквивалентная цифра составляла **45,4%**. Тогда, как в исследовании Мэттсон и Джонстон «оплошности при слуховом восприятии» составили **59,5%**, а «оплошности при разговорах» – **24,2%**. Эти цифры можно сравнить с данными исследования Холмс, где оплошности при «разговорах и слуховом восприятии» привели лишь к **16,4%** встреченных извинений. Опять-таки методологические различия могут объяснить эти несоответствия, а низкая частота извинений, используемых в управлении дискурсом в исследовании Холмс, еще больше подтверждают предположение о том, что передача информации из вторых рук приводит к представлению банальных извинений.

Когда негативные или позитивные потребности слушателя находятся под угрозой, более серьезные деяния также являются общим источником извинений в корпусе. Примеры таких правонарушений особенно характерны для категорий «нарушение взаимопонимания» и «обман ожиданий», и эти две категории составляли **24,3%** извинений в корпусе. В исследованиях Эйджмер и Холмс извинения за такие деяния более распространены. Деяния, относящиеся к категории «социальные неудобства» и «неуважение» (Эйджмер, 1996), послужили причиной примерно **40%** извинений в обоих этих исследованиях. Одним из возможных объяснений несоответствия между результатами Эйджмер и настоящими результатами является различие в стилях речи, отобранных в двух исследованиях.

Таким образом, «функциональный континуум» формы извинения является очевидным в деяниях, которые привели к извинениям в корпусе. Эти деяния варьируются от очень простых, таких как оговорки, до более серьезных поступков, таких как оскорбление чьих-либо чувств. В разделе 2.2.1 будет также проиллюстрирован ряд ситуаций, заслуживающих извинений.

2.2.1. Более детальный взгляд на деяния

В нижеследующем разделе дается более подробное описание инцидентов, которые привели к явным извинениям в корпусе. Различные правонарушения и извинения иллюстрируются многочисленными примерами. Также мы обсудим тип вежливости, который участвует в различных коррективных действиях с теоретической точки зрения. Категории деяний систематически описываются, начиная с тех инцидентов, которые заслуживают прототипных или «реальных» извинений. Аналогично, будут представлены деяния, ведущие к «шаблонным» извинениям и «шаблонным извинениям с добавлением функций». Наконец, будут приведены примеры некоторых «конфронтаций», которые привели к извинениям за «нападки». Обзор категорий и подкатегорий деяний представлен в Рис. 2.2. Цифры в скобках указывают общую частотность каждой категории деяний в корпусе.

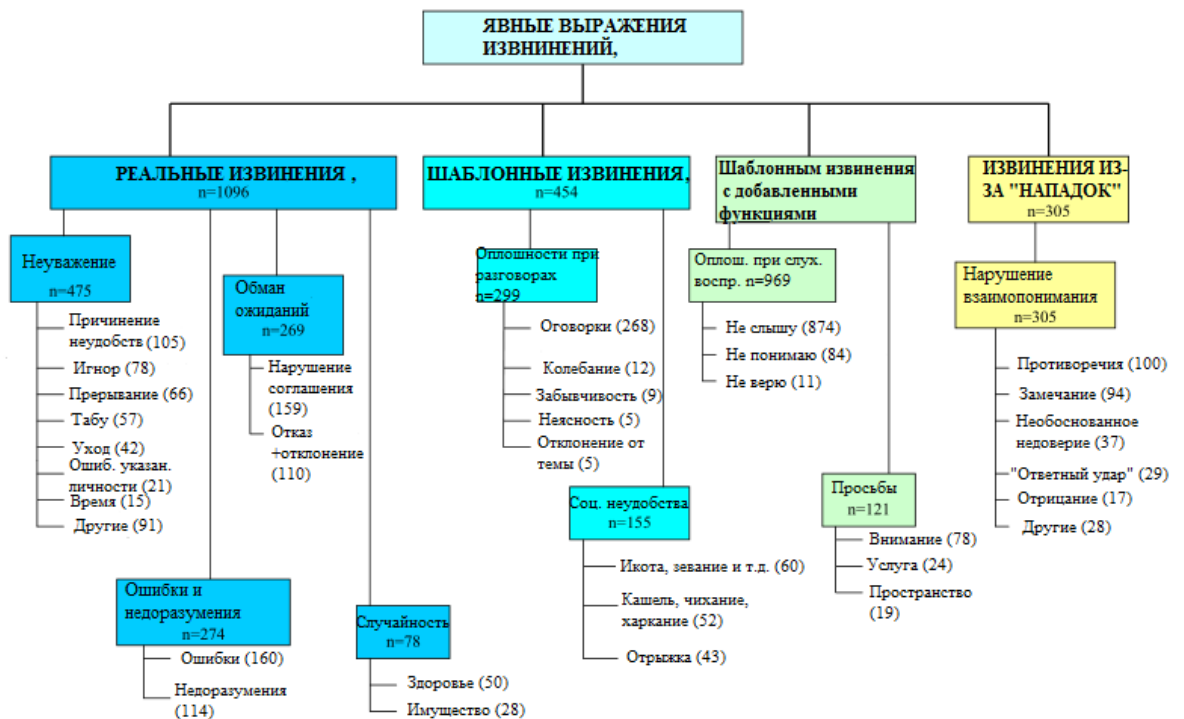

Рисунок 2.3. Распределение деяний в корпусе

2.2.2. Поступки, приводящие к «реальным» извинениям

1. «Нарушение взаимопонимания»:

Самая большая категория правонарушений, ведущих к «реальным» извинениям, было «нарушение взаимопонимания». Извиняясь за такое деяние, человек демонстрирует свое понимание к произошедшей ситуации. В некоторых извинениях эта дополнительная функция, а именно показать, что такое поведение говорящему не свойственно или совсем с ним не связано, была особенно прозрачной. Одна из таких ситуаций заключалась в том, что говорящий приносил извинения за поступки, совершенные третьей стороной. В примере Одри и Гордон, будущая свекровь и свекор, извиняются перед Розы (будущая невеста) от имени сестры Одри, которая отклонила приглашение на предстоящую свадьбу:

Gordon: I think you'd better mention something to Rosie love about that
(короткая пауза) er (короткая пауза)

Audrey: (короткая пауза) Oh (пауза) oh yes (короткая пауза) Rosie
(короткая пауза)

Gordon: (короткая пауза) an (короткая пауза) **apology** about that letter.

Audrey: we have been most upset Gordon and I (короткая пауза) about
(короткая пауза)

Rosie: (короткая пауза) Oh. (короткая пауза)

Audrey: this letter you received off my sister.

Rosie: Oh! That's alright. (короткая пауза) Doesn't matter (короткая пауза)

Розы воспринимает это как пустяк, но Одри продолжает извиняться и оправдываться, что она и ее сестра находятся в ссоре из-за давнего спора, и что она думает, что действие ее сестры непросительно. Розы не понимает, почему из-за всего этого такая суета:

Audrey: But I thought the reply was abs-- I thought it was utterly disgraceful! And she's done it to spite me Rosie. (короткая пауза) **And I apologize.** (короткая пауза)

Rosie: (короткая пауза) I didn't, I didn't (короткая пауза) take a lot of notice really. I mean what er, what she put was that o-- okay (короткая пауза) wasn't it? (короткая пауза)

Audrey: (короткая пауза) I know, (короткая пауза) but the paper Rosie! And no (короткая пауза) address (короткая пауза)

Gordon: (короткая пауза) Just a (короткая пауза)

Audrey: on it!

Gordon: notepad with all (короткая пауза) holes in the top. (короткая пауза)

Rosie: (короткая пауза) Well never mind. (короткая пауза) Never mind.

Audrey: But I, **I really do apologize** about it but she has done it (короткая пауза) erm (короткая пауза)

Rosie: (короткая пауза) Well (короткая пауза) it's not, not your fault is it, (короткая пауза) you know? (короткая пауза)

Audrey: (короткая пауза) I feel, (короткая пауза) to sa-- to spite me.

Rosie: Mm.

Audrey: Ooh! I was most upset when I saw (короткая пауза) it. (короткая пауза)

Rosie: (короткая пауза) Yes. (короткая пауза) Well never mind anyway. It doesn't matter at all.

Одри и Гордон явно используют извинения как способ показать Розе, что они никогда бы не сделали такого, т.е. отклонить приглашение на свадьбу, отправив записку, написанную на спиральной бумаге блокнота «со всеми дырками в верхней части».

2. «Ошибки и недоразумения»:

Извинения за недоразумения и ошибки, как правило, включали в себя работу по исправлению положения после угроз позитивным потребностям. Извинения за эти правонарушения являются примером позитивной вежливости по теории Брауна и Левинсона— «добиваться согласия, избегать

разногласий» (Браун и Левинсон, 1987). Большинство действий, за которые были принесены извинения в этой категории, были простыми, и незначительные разногласия, возникшие в результате ошибок и недоразумений, были быстро разрешены, как только собеседники поняли, что они разговаривали в перекрестных целях. Извинения за эти деяния часто отмечали фактический момент осознания того, что произошла ошибка или недоразумение, и *IFIDs* часто сочетались с восклицательными междометиями (*Oh!*, *Aha!* или *Yeah!*). Вовремя разговоров, ориентированных на обмен информацией, обычно, приносят немало таких извинений. Это, как правило, информатор (например, учитель), который ошибся и извинился после того, как указали на его ошибку. В этом примере техник Марк инструктирует своего коллегу, Биджа, о том, как выполнить компьютерную задачу:

Bedge: Well E and F on here (пауза) is er (пауза) thirty three.

Mark: **Oh right, sorry!** That's I me, erm (пауза) F and H. Make them both point nine five then.

3. «Обман ожиданий»:

Деяния данной категории также являются поступками, которые представляют угрозу для положительного лица слушателя. Говорящие извинялись за то, что не оправдали ожиданий адресата, не выполнив обещаний или отклонив приглашения или просьбы, например. Наиболее распространенный тип извинений в этой категории был сделан ретроспективно после того, как оратор разочаровал кого-то, не соблюдая ранее договоренное соглашение. Говорящий не только извинялся, но также часто приводил объяснение своему поведению. Такие объяснения включали что-то непредвиденное, личные недостатки или, как в следующем примере, обычную забывчивость. Разговор происходит между забывчивым мужем (Марк, который забыл свинные отбивные на работе) и расстроенной женой (Сью):

Sue: Oh Mark! Oh no you haven't left it at work?

Mark: I have. It'll have to be bis-- spaghetti bolognaise. **Sorry!**

Sue: Oh God! And I keep (короткая пауза) telling you! (короткая пауза)

4. «Случайность»:

Последней категорией деяний, приводящих к «реальным» извинениям, являются «случайности». Примеры включали незначительные неудачи, такие как проливание кофе или случайное повреждение чего-то, и незначительные травмы, например, причинение физического вреда человеку, нечаянно на него наткнувшись. Интересно, что многие «случайные травмы» были принесены, когда родители, особенно матери, ухаживали за своими детьми. В следующем примере мать (Кэрол) укладывает свою дочь Эмму спать:

Emma: Get on there.

Carol: **Sorry!**

Emma: Ah ah!

Carol: **I'm sorry!** It's my nails. You alright? Let's kiss it better.

Таким образом, большинство примеров «реальных» извинений связано с позитивными нарушениями вежливости. Эта важная функция извинения была полностью проигнорирована Брауном и Левинсоном и многими другими учеными, которые в первую очередь классифицировали извинения, как пример негативной вежливости.

2.2.3. Поступки, приводящие к «шаблонным» извинениям

Извинения за «оплошности при разговорах» и «социальные неудобства» были почти исключительно шаблонными. Типичное извинение за «оплошность при разговорах» функционировало как устройство управления дискурсом и состояло из простого, отстраненного *I'm sorry, sorry* или *uhm, sorry* сказанного вскользь после оговорок или колебаний. Исправление или комментарий часто следуют сразу после извинения:

Terri: ...And I'm, I'm faxing (пауза) erm (пауза) **I'm sorry**, I'm not gonna fax it, I'm just going to send a letter to national office (пауза) about The Savoy in First Leisure.

Напротив, «социальные неудобства» были примерами случайного социально неприемлемого поведения, такого как кашель, отрывка или икота. Извинения за такие случаи обычно отделялись от остальной части разговора. Говорящие редко ссылались на фактический проступок. Потенциально, это, возможно, привело к проблемам в идентификации этих деяний в корпусе, но к счастью, эти деяния обычно отмечались с расшифровкой:

Margaret: (икота) (пауза) **oh excuse me!** (пауза) (икота) and **oh excuse me** again!

«Оплошности при разговорах» и «социальные неудобства» являются в первую очередь нарушениями негативных потребностей лица. Первый вид деяний связан с причинением неудобств слушателю, который должен пересмотреть предоставленную информацию. «Социальные неудобства» же являются нарушениями социальных табу и, следовательно, причиной смущения. Не извиняться за такие действия было бы признаком неуважения.

1. «Деяния, приводящие к «шаблонным извинениям с добавленными функциями»:

«Шаблонные извинения с добавленными функциями» – это, по сути, короткие формы вежливости. Например, *Sorry?* Можно было бы перефразировать так: *"I am sorry to bother you, but could you repeat that, please"*. Используемое в этом контексте *Sorry?* имеет две функции: извинение за причиненные неудобства и в то же время это реплика для повторения. Точно так же *excuse me!* произнесенное как средство привлечения чьего-то внимания, может быть перефразировано как: *"Excuse me for bothering you, but would you spare me a moment's attention"*. Как показано в приведенных выше парафразах, существует два типа дополнительных функций, связанных с формами извинений: запрос о повторении и просьба о внимании.

2. «Оплошности при слуховом восприятии»:

Извинения за «оплошности при слуховом восприятии» были самой крупной подкатегорией в этой группе. Типичное извинение, принесенное за это деяние, было чрезвычайно формальным и простым *sorry* или *pardon*, произнесенным с повышением тона (обозначенным вопросительным знаком). Как правило, извинения сопровождалось повторением того, что только что было сказано:

PS0T0: Still recording Simmone?

Simmone: **Pardon?**

PS0T0: Still recording?

В **84** случаях «оплошности при слуховом восприятии» были связано с тем, что собеседники не что-то не расслышали, а не поняли какой-то аспект высказывания. Такие случаи можно различить как ссылку на то, что нуждается в разъяснении, сопровождающем извинения:

Stuart Cowley: Mr Grigson (неясность) the positive paper this morning was er one item and also the more general question of the nineteen eighty nine projections (неясность) closer than the nineteen eighty five ones. Er we've used the nineteen eighty nine ones but we are reluctant to do so.

We don't necessarily believe that they are all correct in what they say. R.

Whittaker: **Sorry** the nineteen eighty nine projections for what?

Stuart Cowley: Headship.

Наконец, наиболее проблемные для классификации «оплошности» были так называемые «возгласы недоверия». Такие извинения были сказаны, когда содержание заявления было таким, что слушатель был ошеломлен, и ему пришлось просить рассказчика повторить на всякий случай, если возникло недопонимание:

PS000: What happens if you kill your mummy and daddy?

Danny: **Pardon?**

PS000: What if you kill your mummy and daddy?

Danny: If you kill your mummy and daddy I'll have to talk to you Peter!

Во многих случаях трудно решить, является ли восклицание неверия подлинным или вызовом. В предыдущем примере, например, вполне возможно, что отец выговаривал ребенка за его жуткие размышления.

3. «Просьбы»:

Извинения за деяния этой категории также являются примерами негативных стратегий вежливости. Большинство извинений за запросы были шаблонными, как правило, форма *excuse me* произносится, когда оратор хочет привлечь внимание аудитории, прежде чем сделать объявление.

Другие примеры включали людей, пытающихся заставить других осознать свое физическое присутствие, например, когда они пробираются через толпу.

Было также найдено несколько примеров (24) более обширных просьб. Строго говоря, они не должны были классифицироваться под «шаблонными извинениями с добавленными функциями». Они включали в себя просьбы о различных услугах, а извинения, связанные с такими случаями, выполнялись как упреждающие устройства для «разоружения», направленные на то, чтобы максимизировать потенциал для положительного ответа. В следующем примере отец (Тони) довольно неохотно идет наверх, чтобы отдать деньги, которые он должен своей дочери (Кристин):

Tony: I have to go upstairs and get it.

Christine: Ok, **sorry** dad, but I need it in (неясность).

Tony: Yeah ok.

Подводя итоги этого раздела, представляется, что классификация извинений Брауна и Левинсона как в первую очередь негативных стратегий вежливости не охватывает весь функциональный диапазон этого речевого акта; примерно половина извинений в корпусе были сделаны за деяния, связанные с угрозами позитивному лицу. Категории, обозначенные на

рисунке ниже, относятся к деяниям, приводящим к негативной и позитивной вежливости.

4. «Деяния, приводящие к извинениям из-за «нападков»:

Наконец, категория извинений из-за «нападков» представляет собой примеры извинений, принесенных до или после преднамеренных нападений на положительное лицо потребностей слушателя. Такие нападения были сопряжены с расхождениями во мнениях или выражениях желаний, и, следовательно, эти извинения неизменно делались в ответ на «нарушение консенсуса». В схеме классификации Брауна и Левинсона такие деяния являются примерами поступков, которые «показывают, что **S** имеет отрицательную оценку некоторого аспекта позитивного лица» (Браун и Левинсон, 1987).

Авторы выделяют две категории таких актов: во-первых, акты, которые указывают на то, что оратор «не хочет/ не любит одного или нескольких из желаний, действий, личных характеристик, убеждений или ценностей» (Браун и Левинсон, 1987); примеры включают выражения неодобрения, критики, презрения или насмешек, включая речевые акты, такие как жалобы, выговоры, обвинения и оскорбления.

Из приведенных выше примеров, выговоры были наиболее распространенными действиями, служащие триггером для извинений в корпусе. Извинения, как правило, были произнесены до выговора, тем самым «обезоружив» слушателя. *Excuse me* была часто используемая форма для таких извинений. Как правило, выговор был сделан лицом, имеющим полномочия (например, родители), обращаясь к менее влиятельному собеседнику. В этом примере отец (Филип) отчитывает своего сына за прерывание:

David: (короткая пауза) Dad I said er (короткая пауза)

Phillip: well er, I'm, **excuse me** David I'm talking to Chris. Yeah, they're normally every half (пауза) hour, but...

Хоть и редко, были также обнаружены случаи извинений, «обезоруживающих» выговор между взрослыми. В следующем примере профессиональный интервьюер (Род) отчитывает собеседника (Тревор) за вопросы о зарплате за работу, на собеседования которой он сидит:

Rod: Yeah but surely **sorry** I I have to why do you question that now? That has to have been explained to you on the phone. It must have been.

Trevor: Yes.

Категория деяний «ответный удар» (см. Рис. 2.2) была аналогична категории выговоров, причем разница заключалась в том, что первые были произнесены в ответ на некоторую предварительную атаку, сделанную слушателем. Вторая категория актов, которые «показывают, что **S** имеет отрицательную оценку какого-либо аспекта положительного лица **H**» в классификации Брауна и Левинсона, – это действия, которые указывают на то, что говорящий считает сказанное «неправильным или ошибочным или необоснованным в отношении какой-либо проблемы, связанной с неодобрением» (Браун и Левинсон, 1987). Примеры включают споры, противоречия и высказывание неодобрения.

В корпусе примерно половина деяний категории «Нарушение взаимопонимания» включала такие споры, противоречия и выражения неодобрения («противоречия», «недоверие» и «другие» на рисунке 2.2). Большинство извинений за такие деяния функционировали как предварительные средства для «разоружения», и поэтому они были произнесены до *FTA*, как в следующем примере:

Whittaker: And **I'm sorry** if this is going to ruin Mr's (паузаиз-заопущенияимени) weekend.

PS000: (смех)

Whittaker: It is not going to be helpful to have the panel supplied with the information

Рисунок.2.3. Распределение извинений за FTAs, включающих негативное и позитивное лицо.

2.3. Уровень искренности

Последним и во многом наиболее проблематичным аспектом извинений, исследованным в этой главе, был «уровень искренности». Бах и Харниш указывают на важность проведения различия между серьезными и случайными извинениями, но до сих пор ни одно исследование не предприняло серьезных попыток систематически исследовать фактор искренности. Судить об искренности различных извинений было проблематично по ряду причин:

Во-первых, только говорящий знает реальный уровень искренности, с которым произносятся извинения. Таким образом, на данном этапе необходимо провести важное различие; только форма извинения может быть использована для определения уровня его очевидной искренности. Например, зная ситуацию и совершенное деяние, можно сказать, что

извинение с формой *Perhaps you'll hopefully find that you can forgive me* кажется искренним. Можно предположить, что говорящий хочет, чтобы аудитория интерпретировала это заявление как подлинное извинение. Однако если он чувствует настоящее раскаяние и чувство вины, это другой вопрос, который выходит за рамки этого исследования.

Во-вторых, тон высказывания передает важную информацию о явной искренности извинения в разговоре. Поскольку интонация не отмечена в БНК, определения искренности не могут быть сделаны с какой-либо абсолютной уверенностью. Однако контекст извинений и их влияние на адресатов часто дает полезные подсказки при интерпретации очевидной искренности речевых актов. Рассмотрим следующий пример подростковой беседы:

Steven: Mr sensitivity there, is your fucking hair thickener working.

David: (смех) Well is it? (смех)

PS000: Come on (пауза из-за опущения имени)

PS000: (неясность)

Chris: ah, he's upset now, **I'm sorry** (короткая пауза) about it (короткая пауза)

Steven: (короткая пауза) I'm not (пауза)

В-третьих, мы мало знаем об эмоциональных отношениях, существующих между собеседниками. Утверждается, что такие факторы влияют на вежливость (Слуговский и Тернбулл, 1988).

Несмотря на трудности, связанные с определением кажущейся искренности, эта переменная была включена в настоящее исследование. Исключение этой переменной означало бы пренебрежение важным аспектом извинения, и тогда, например, сарказм можно было не учитывать.

Эти уровни можно рассматривать как деления на континууме, где один конец представляет собой полную искренность, а другой конец – явное ее отсутствие (см. Рис. 3.4). Уровни искренности тесно связаны с функцией

извинений. Большинство извинений за «споры», например, были принесены из-за «нарушения взаимопонимания».

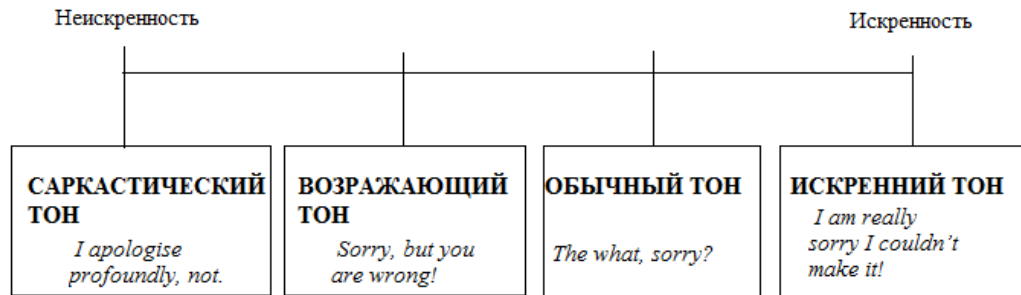

Рисунок. 2.4. Уровни кажущейся искренности

Распределение извинений разных уровней искренности в корпусе обобщено ниже на рисунке 2.5.

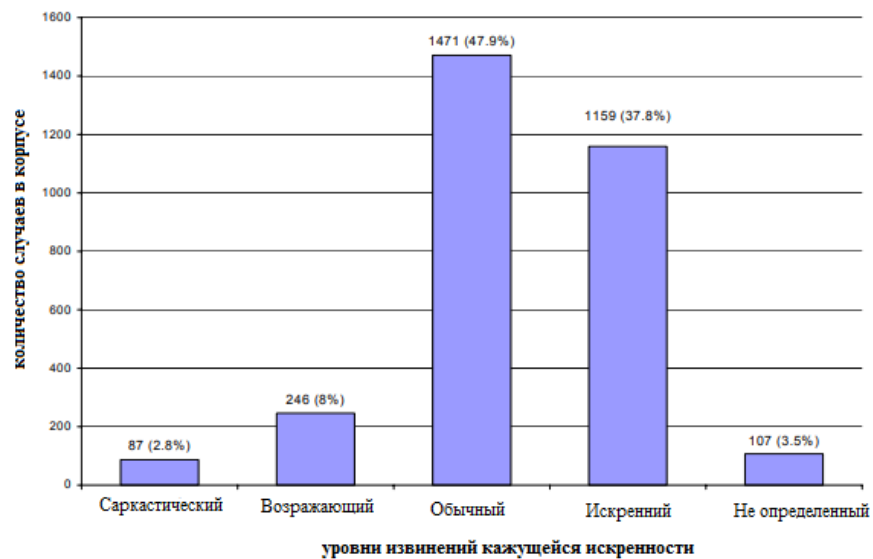

Рисунок 2.5. Распределение извинений различного уровня кажущейся искренности

1. «Саркастические извинения»:

Всего в корпусе было выявлено **87** примеров «саркастических извинений». Однако в действительности эта цифра вполне могла быть больше. «Саркастические извинения» часто произносились за те же деяния, что и «искренние» и часто состояли из тех же форм. Не имея доступа к записям, трудно было сказать, использовались ли интонационные и стрессовые модели, характерные для саркастических высказываний. Следующие извинения, например, вполне могли быть проигнорированы и интерпретированы как подлинные, если бы не комментарий расшифровщика:

Zoe: Please get to the back of the queue!

Robin: (фонация: девчачий голос) **Sorry** !(конец фонации)

Zoe: I'm fed up with! (неясность)

«Саркастические извинения», как правило, используются в качестве «средств атаки». Рассмотрим следующий пример, когда Дэнни, 46-летний учитель химии, издевается над своими учениками. Беседа, предшествующая «извинениям», полна ехидных замечаний, и ученик кажется на грани:

Danny: (пауза) Kempson (пауза) what would you call this one?
(большая пауза) Don't cry! (пауза) **I'm sorry** to ask you a question Kempson.

PS000: Can't you be nice for once?

Однако «саркастические извинения» не всегда были примерами «нападков». Было несколько случаев, когда эти извинения использовались как положительные средства вежливости, сделанные в шутку между друзьями. Такие примеры часто говорятся в шутку. Говорящие, относящиеся к более молодым возрастным группам, в частности, отдавали предпочтение их использованию. В следующем примере три подростка (Скотт, Хелена и

Дэвид) играют в монополию со своей матерью. Атмосфера дружеского стеба.

У Скотта закончились деньги, и он берет кредит:

Scott: this is a French private building society

Helena: We're not giving out mortgages at the moment (смех)

Sheila: **I'm sorry** we're not giving money away today

David: Yeah, but if you would just like to fill in a form, we will be with you as soon as possible

Helena: In the next three years (смех) (пауза)

«Саркастические» извинения» также использовались для отклонения необоснованных просьб с юмором. В следующем примере мать (Дороти) испытывает трудности с удовлетворением кулинарных требований своего трехлетнего сына:

Tim: 'Mato .

Dorothy: Well **I'm sorry**. It's a bit difficult to get the tomato out cos it's all chopped in with the mince you see.

Christopher: I'll have the tomato. (пауза)

Dorothy: **I'm sorry** it's not cordon bleu dear like you've been having at Pontepool.

Шуточная форма также проявляется в следующих двух примерах:

Martine: Nearly didn't recognize you there Jimbo. (пауза)

Jim: Me?

Martine: No, sorry another Jim.

Jim: Oh.

Martine: Jim with a suit on. Must be going to a funeral.

Ruth: Oh I thought (короткая пауза) (неясность) (короткая пауза)

Andrew: (короткая пауза) **Excuse me** (пауза) just because the tape's on there's no need for you to use big words like prognosis.

В своем обсуждении саркастической вежливости (Кульпепер, 1996) делает различие между саркастическими и ироническими выражениями. Первые считаются «притворной вежливостью для социальной дисгармонии»,

а ирония называется «ложной нечестностью для социальной гармонии». Используя это определение, примеры, вероятно, были бы примерами иронии, а не сарказма.

2. «Возражающие» извинения:

В корпусе 246 извинений были признаны «Возражающими» извинениями. Подавляющее большинство из них было сделано из-за «нарушения взаимопонимания». «Тон» этих извинений был «агрессивным». В следующем примере учитель, Джин, раздражается из-за степлера, который не работает, и ему трудно скрыть свое раздражение из-за столпившихся вокруг нее учеников:

Jean: (короткая пауза) I never have (неясность) (короткая пауза) it's mine actually I told them they have to be very careful, I'm wondering if they put the right size in, **excuse me** can you go right out the way

Многие из «возражающих» извинений были произнесены во время споров или горячих дискуссий. В следующем примере Стюарт и его коллега спорят о плюсах и минусах ношения шлема при езде на мотоцикле по автомагистрали:

PS000: About one in two wants to (неясность) with a helmet on.

Stuart: No, **sorry** you're way out of (короткая пауза) line Chris! (короткая пауза)

PS000: (короткая пауза) Yes. (короткая пауза)

Stuart: Way out of line, I don't know where you work that one out!

PS000: Oh I dunno.

Аналогичным образом, в этой стенограмме из телевизионных дебатов Майкл, эксперт по борьбе с терроризмом и телеведущий, поспорили о некоторых деталях, касающихся проблем в Северной Ирландии:

Nicky Campbell: But how long would it take for the army, the S A S or whatever to go in and erm clean up the situation as it were? In purely (короткая пауза) practical terms (короткая пауза) ?

Michael: (короткая пауза) Well that (короткая пауза) that is an entirely hypothetical question.

Nicky Campbell: (короткая пауза) But in purely practical terms.
(короткая пауза)

Michael: (пауза) but I **I'm sorry** b-- if you would let me answer.

Родители также использовали этот тип извинений, когда они «обсуждают разногласия» со своими детьми. Здесь мат, Кэрол, ясно дает понять своей дочери, что они будут кушать:

Carol: Shall we cook a chicken?

Charlotte: No I don't want, I don't want (неясность)

Carol: Oh Charlotte stop whining.

Charlotte: I don't want, I don't want.

Carol: Well I do, **I'm very sorry**, I want to have chicken, so there. Will you please be careful what you're doing with that tin!

«Возражающие» извинений, представленных в примерах проблематично анализировать с использованием теорий вежливости. Формально извинения представляют собой «разоружающие» или «искупительные средства» для нападков на негативное и позитивное лицо, но агрессия, с которой они выражаются, затрудняет их приравнение к вежливости. Вместо этого они кажутся риторическими устройствами, которые обычно используются в дискурсе разногласий. Говоря из личного опыта, реплика *"I'm sorry, but..."* имеет тенденцию быть сигналом для аргументации.

3. «Обычные» извинения:

В корпусе было найдено **1471** примеров «обычных» извинений. Почти все эти извинения служили для исправления таких деяний, как «оплошности при разговорах, при слуховом восприятии и социальные неудобства» и состояли из отдельных лексем, таких как *sorry*, *sorry?* и *pardon?*. Такие извинения обсуждались выше.

4. «Искренние» извинения:

Наконец, в корпусе было выявлено **1159** примеров «искренних» извинений. Их синтаксические рамки, как правило, были более сложными, чем в «обычных» извинениях. Такие указатели, как восклицательные междометия и различные усилители вежливости, а также дополнительные стратегии, такие как оправдания и признание ответственности, часто содержали *IFID*.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ II

В этой главе были рассмотрены лексемы, употребляемые для различных извинений, которые были найдены в корпусе, деяния, за которыми следуют извинения и очевидный уровень искренности. Чтобы структурировать результаты, был использован ряд различных классификаций. Некоторые из них были основаны на системах, используемых в предыдущих исследованиях, тогда как другие были разработаны специально для целей этого исследования. Определяющие критерии для разных систем классификации варьировались в зависимости от того, какие конкретные аспекты извинения были исследованы.

Исследование распределения различных лексем в корпусе показало, что извинение было наиболее распространенным *IFID*, используемым на британском английском языке, за которым последовали помилование и оправдание.

Английские языковые формулы с семантикой извинения в реальной коммуникации конвенционально используются для осуществления не только речевого действия извинения, но и таких разнообразных речевых актов, как сожаление, сочувствие, соболезнование, переспрос, при совершении определенных действий невербального характера и т.д. Эти речевые акты имеют разные классификационные характеристики, являются средствами достижения разных иллокутивных целей и используются в разных коммуникативных обстоятельствах.

В связи с этим были определены деяния, за которые приносят свои извинения. Мы указали девять категорий деяний: «случайность», «ошибки и недоразумения», «обман ожиданий», «неуважение», «оплошности при разговорах», «социальные неудобства», «просьбы», «оплошности при слуховом восприятии» и «нарушение взаимопонимания», которые далее были описаны более подробно и проиллюстрированы различными примерами из корпуса. Также деяния были разделены на две группы: «деяния, приводящие к «реальным» извинениям» и «деяния, приводящие к «шаблонным» извинениям»; это помогло нам узнать, какие извинения используются за деяния, относящиеся к определенной группе.

В заключение был рассмотрен уровень очевидной искренности. И также была разработана классификация «тона» извинений, состоящая из четырех категорий: «саркастический», «возражающий», «обычный» и «искренний».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящем исследовании мы предприняли попытку комплексного коммуникативного анализа функционирования формул извинения в Британской лингвокультуре. Проведенное исследование позволяет сделать следующие обобщающие выводы:

1. Анализ научной литературы обнаружил значительный интерес современной лингвистической науки к исследованию извинений, которые довольно интенсивно изучаются со второй половины XX века. Однако, несмотря на такое пристальное внимание лингвистов к извинениям, на сегодняшний день абсолютное большинство работ представляет собой исследования, посвященные изучению собственно речевого акта извинения. При этом такие исследования, традиционно проводимые с точки зрения речевого этикета, теории вежливости, теории интеракции или семантического анализа, а также теорий речевых актов не дают возможности полностью раскрыть сущность данного речевого действия, выявить его социокультурную значимость, описать его коммуникативные характеристики и средства его реализации в британском варианте английского языка. Кроме того, авторы, изучающие извинения, не принимают во внимание того, что в реальной коммуникации формулы извинения очень часто используются для выражения других коммуникативных значений. Между тем, исследование подобного употребления формул извинения является довольно трудной задачей, поскольку анализ языковой семантики формул (*I am*) *Sorry*, *Excuse me*, *Forgive me*, *I apologise* / (*My/Our*) *apologies*, *Pardon (me)* / *I be gyour*, *I pardon* не может служить адекватным основанием для интерпретации выражаемых этими формами в речи смыслов.

2. Рассмотрение изолированной речевой формулы извинения без учета ее ближайшего контекстного окружения и условий употребления не позволяет выявить реальное коммуникативное значение этой формы в дискурсе. Адекватное описание функционирования языковых единиц с семантикой извинения в дискурсе и определение функционального диапазона

исследуемых речевых формул возможно лишь с позиций прагмалингвистического подхода к анализу дискурса, который позволяет включить в рассмотрение внешние по отношению к языку параметры коммуникации, определяющие закономерности употребления этих единиц в речи.

3. Рассматриваемые языковые формулы с семантикой извинения в современной британской лингвокультуре не являются прагматическими синонимами и имеют разный коммуникативный диапазон. С этой точки зрения, наиболее универсальной формой является формула *I'm Sorry*, которая может использоваться для реализации таких речевых актов, как сожаление, сочувствие, соболезнование, переспрос или просьба повторить или пояснить сказанное.

Формула *Excuse me* является инструментом осуществления речевых актов установления коммуникативного контакта, размыкания коммуникативного контакта, «вмешательства» в разговор, прерывания общения для совершения иного вида деятельности, просьбы уступить дорогу, выражения возмущения с упреком, а также средством выражения специфического действия «реабилитации», необходимость в котором появляется при осуществлении особых действий невербального характера.

Формула *Pardon me* или *I beg your pardon* в современном английском языке имеет все более сужающуюся сферу употребления, используясь лишь в качестве средства выражения переспроса (в этой функции она вытесняется формулой *I'm Sorry?*) и возмущения.

Наиболее ограниченными в использовании являются перформативная формула *I apologise* и ее номинативный вариант *(My/Our) apologies*, которые могут использоваться для реализации официального извинения, а также, наряду с формулой *Forgive me*, употребляются для выражения эмфатического извинения в маркированных контекстах.

Иными словами, изучение функционирования исследуемых речевых формул с семантикой извинения (*I'm Sorry*, *Excuse me*, *Forgive me*, *I apologise*

или (*My/Our*) *apologies*, *Pardon (me)* или *I beg your pardon*) показывает, что названные формулы используются только в строго закрепленных за ними коммуникативных ситуациях и не являются взаимозаменяемыми. Функционирование данных формул извинения в естественном дискурсе отражает отсутствие прямой зависимости между семантическим содержанием формы и выражаемым ею коммуникативным смыслом. В соответствии с существующими в англоязычных культурах конвенциями употребления и внешними социальными установками у каждой из этих формул сложилось собственное конвенциональное значение, лишь косвенно мотивированное их языковой семантикой.

4. Проведенный в ходе исследования социолингвистический эксперимент позволил выявить представления носителей языка о закономерностях использования различных языковых форм с семантикой извинения в Британской лингвокультуре и об особенностях выражаемых этими формами коммуникативных значений. Данный эксперимент также ярко продемонстрировал характерные особенности функционирования речевых формул извинения в британском варианте английского языка, обусловленные наличием определенных внешних социальных установок и сложившимися в данной языковой культуре особыми конвенциями употребления.

5. Извинение, несмотря на кажущуюся простоту этого феномена, представляет собой весьма сложное для анализа явление, и, несмотря на значительные достижения в области их исследования, в данной работе впервые ставится вопрос о возможности комплексного и многоаспектного изучения формул извинения с позиций событийно-дискурсивного подхода, а также выявления и описания особенностей функционирования анализируемых конвенциональных формул для выражения других коммуникативных значений в условиях реального общения. При этом коммуникативное значение, реализуемое этими языковыми формами,

определяется условиями успешности тех речевых актов, средствами осуществления которых они являются.

Все эти аспекты являются аспектами более общей дилеммы, а именно описанием неписаных социальных правил, регулирующих использование этой языковой формы, которая обычно ассоциируется с вежливостью в Британском английском языке. В конечном счете, есть надежда, что эта работа прольет новый свет на более общий аспект британского английского языка, а именно на использование лингвистической вежливости.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс / Н. Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — М. : Сов. Энциклопедия, 1990. — С.136-137.
2. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. — 2-е изд., испр. — М. : Языки русской культуры, 1999. — 895 с.
3. Беляева Е. И. Грамматика и прагматика побуждения / Е. И. Беляева. — Английский язык. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 1992. — 168 с.
4. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. — М. : Прогресс, 1974.-447 с.
5. Вежбицкая А. Речевые акты / А. Вежбицкая // Новое в зарубежной лингвистике. — М.: 1985. -Вып.16. С. 251-275.
6. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. М. : Русские словари, 1996. - 416 с.
7. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. Серия: Язык. Семиотика. Культура. — М. : Языки русской культуры, 1999. - 780 с.
8. Витгенштейн Л. Философские исследования / Л. Витгенштейн // Новое в зарубежной лингвистике. — М. : 1985. Вып.16. — С. 79-129.
9. Гамперц Дж. Об этнографическом аспекте языковых изменений / Дж. Гамперц // Новое в лингвистике. — М. : 1975. — Вып. 7. С. 299-319.
10. Гордон Д., Лакофф Дж. Постулаты речевого общения / Д. Гордон, Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. — М. : 1985. — Вып.16. С. 276-302.
11. Конрад Р. Вопросительные предложения как косвенные речевые акты / Р. Конрад // Новое в зарубежной лингвистике. — М. : 1985. — Вып. 16. — С.349-382.

12. Кубрякова Е. С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике / Е. С. Кубрякова // Дискурс, речь, речевая деятельность. М. : РАН, 2000 - С. 7-25.
13. Кубрякова Е. С. Традиционные проблемы языкознания в свете новых парадигм знания / Е. С. Кубрякова // Материалы круглого стола. М. :Ин-тязыкознанияРАН, 20 002. - С. 3-10.
14. Aijmer, K. "Do women apologise more than men?" : 1995.
15. Aijmer, K. Conversational Routines in English: Convention and Creativity. London: Longman. 1996.
16. Andersen, G. Pragmatic Markers and Sociolinguistic Variation, 2001. Amsterdam /Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.
17. Anderson, D. (ED). Gentility Recalled: "Mere" Manners and the, 1998.
18. Aston, G. & L. Burnard. The BNC Handbook: Exploring the British National Corpus with SARA. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1998.
19. Austin, P. 1990. "Politeness revisited: the dark side." In Bell, A. & J. Holmes (eds.) 1990: 276-95.
20. Bach, K. & R.M. Harnish. Linguistic Communication and Speech Acts. Cambridge, Mass: The MIT Press, 1979.
21. Baxter,L.A.. "Aninvestigationofcompliance-gainingaspoliteness.", 1984.
22. Beebe,L.M. Human Communication Research 10 (3): 427-56, 1985.
23. Blum-Kulka S. 1987. "Indirectness and politeness in requests: Same or different?" Journal of Pragmatics 11 (2): 131-146.
24. Blum-Kulka S. 1989. "Playing it safe: The role of conventionality in indirectness." InBlum-Kulka, S., J. House& G. Kasper (eds.) 1989: 37-70.
25. Blum-Kulka, S. & E. Olshtain. 1984. "Requests and Apologies: a cross-cultural study of speech act realisation patterns (CCSARP)." Applied Linguistics 5 (3): 196-213.

26. Blum-Kulka, S. 1990. "You don't touch lettuce with your fingers: Parental politeness in family discourse." *Journal of Pragmatics* 14 (2): 259-88.
27. Goffman, E. 1967. *Interaction Ritual: Essays on the Face-to-Face Behaviour*. New York: Doubleday Anchor Books.
28. Goffman, E. 1971. *Relations in Public. Microstudies of the Public Order*. London: Penguin.
29. Green, G. M. 1989. *Pragmatics and Natural Language Understanding*. Hillsdale: NJ.
30. Gonzales, M.H. 1992. "A thousand pardons: the effectiveness of verbal remedial tactics during account episodes." *Journal of Language and Social Psychology* 11 (3): 133-51.
31. Gonzales, M.H., J.H. Pederson, D.J. Manning & D.W. Wetter. 1990. "Pardon my gaffe: effects of sex, status, and consequence severity on accounts." *Journal of Personality and Social Psychology* 58 (4): 610-21.
32. Goody, E. N. (ED.) 1978. *Questions and Politeness: Strategies in Social Interaction*. Cambridge: Cambridge University Press.
33. Holmes, J. 1988. "Paying compliments: a sex-preferential positive politeness strategy." *Journal of Pragmatics* 12 (3): 445-65.
34. Holmes, J. 1988 "Sex differences and apologies: one aspect of communicative" *Applied Linguistics* 10 (2): 194-213.
35. Holmes, J. 1990. "Sort of in New Zealand women's and men's speech." *Studia "Apologies in New Zealand English."* *Language in Society* 19 (2): 155-99.
36. Holmes, J. 1993. "New Zealand women are good to talk to: an analysis of politeness strategies in interaction." *Journal of Pragmatics* 20 (2): 91-116.
37. Holmes, J. 1990. "Politeness strategies in New Zealand women's speech." In A. Bell & J. Holmes (eds) 1990: 252-76.
38. Holmes, J. 1995. *Women, Men and Politeness*. London: Longman.

39. Holtgraves, T. 1989. "The form and function of remedial moves: reported use, psychological reality and perceived effectiveness." *Journal of Language and social Psychology* 8 (1):1-16.
40. Tannen, D. 1990. "Gender differences in topical coherence: creating involvement in best friends' talk." *Discourse Processes* 13: 73-90.
41. Thomas, L. 1993. *Beginning Syntax*. Oxford: Blackwell.
42. Watts, J., S. Ide, & K. Ehlich. 1992. *Politeness in Language. Studies in its History, Theory and Practice*. Berlin and New York: Mouton de Gruyter.
43. Watts, R. J. "Linguistic politeness and politeness verbal behaviour: Reconsidering claims for universality." In Watts R. J, S. Ide & K. Ehlich 1992. (eds.): 43-70.